

Хью Томас

ИСТОРИЯ

Golden River

РЕКИ ЗОЛОТА

Подъем Испанской империи

И С Т О Р И Я В О Д Н О М Т О М Е

История в одном томе

Хью Томас

**Подъем Испанской
империи. Реки золота**

«Издательство АСТ»

2003

УДК 94(460)»15»
ББК 63.3(4Исп)

Томас Х.

Подъем Испанской империи. Реки золота / Х. Томас —
«Издательство АСТ», 2003 — (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-099983-5

Объединение Кастилии и Арагона и создание Испанского королевства... Реконкиста и изгнание мавров с Иберийского полуострова... Открытие Нового Света и начало его завоевания... В XVI веке на обоих берегах Атлантики возникла огромная империя, над владениями которой никогда не заходило солнце. Два поколения первооткрывателей, колонизаторов, правителей и миссионеров проложили путь к расцвету католического государства. Бальбоа и Писарро, Кортес и Понсе Леон – это те люди, чья жажда золота, жестокость и религиозный фанатизм, но вместе с тем удачливость, бесстрашие и предприимчивость надолго обеспечили процветание Испании. Как это было? Каким образом произошел подъем Испанской империи? Читайте об этом в увлекательном исследовании британского историка Хью Томаса. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(460)»15»

ББК 63.3(4Исп)

ISBN 978-5-17-099983-5

© Томас Х., 2003

© Издательство АСТ, 2003

Содержание

Введение	6
Книга первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	27
Книга вторая	39
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49
Комментарии	

Хью Томас

Подъем Испанской империи. Реки золота

Hugh Thomas

RIVERS OF GOLD

THE RISE OF THE SPANISH EMPIRE

Печатается с разрешения автора и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

© Hugh Thomas, 2003

© Перевод. Е. Некрасова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Введение

Васко Нуньес де Бальбоа писал испанскому королю Фердинанду в 1513 году, что в поселении Дарьен в заливе Ураба, что ныне находится в Колумбии, текут реки золота. «У нас больше золота, – добавлял он, – чем здоровья, и нам, скорее, не хватает пищи, чем золота». Это письмо привело к наплыву в Центральную Америку кастильских охотников за золотом. Но и там, и в любом другом месте обеих Америк поиск золота сопровождался желанием привести души к христианству, жаждой знаний о Новом Свете и стремлением к славе.

Эта книга рассматривает первые два поколения исследователей, колонизаторов, правителей и миссионеров, проложивших путь огромной Испанской империи, у которой долго не было соперников; империи, продержавшейся три сотни лет, – дольше, чем ее британская, голландская или российская сестры. Многие страны в более поздние времена имели свой прилив колоссальной энергии: Франция в XIX веке, Германия в начале и США в конце XX века. Конец XV и начало XVI веков были исключительно испанской эрой – хотя итальянцы и португальцы тоже сыграли свою роль в этой истории.

Каждая глава «Рек золота» посвящена одному из эпохальных событий: падению Гранады, образованию единой Испании, изгнанию испанских евреев, открытию Нового Света Колумбом, испанским завоеваниям основных островов Карибского моря, началу колонизации юга Американского континента в Дарьене, ранним протестам доминиканцев против дурного обращения с индейцами, началу неустанных трудов фра Бартоломе де лас Касаса по защите туземного населения, началу работоторговли чернокожими, избранию Карла V императором Священной Римской империи, завоеванию Кубы Диего Веласкесом и Мексики Эрнаном Кортесом, а также кругосветному плаванию Магеллана.

Я побывал во многих упомянутых в книге местах. Так, я посетил девственный Мадригаль-де-лас-Альтас-Торрес, где родилась Изабелла, и церковь Сан-Мигель в Сеговии, где она была провозглашена королевой. Я провел много счастливых дней в Севилье и Санлукар-де-Баррамеда, откуда отправлялись многие корабли империи, и я прошел от Могера до Палоса, откуда в первый раз отправился Колумб. Я знаю монастырь в Ла-Рабиде, где его радушно принимали. Я был в Сосе, где родился Фердинанд Католик, и в Мадригальехо, где он скончался, я был в Молинес-де-Рей, где Бартоломе де лас Касас столь красноречиво говорил перед Карлом V. Я видел мост, где в январе 1492 года Колумба по дороге из Гранады догнал королевский гонец, и был в Санта-Фе, где Колумб подписал свой контракт с католическими королями. Я видел дом в Куэльяре, где родился Диего Веласкес, и место его гулянки в Сантьяго-де-Куба. Я побывал в доме, где жил некогда Хуан Понсе де Леон, – теперь это место находится в Доминиканской республике, – и был в заливе, где он впервые ступил на землю Пуэрто-Рико. Я видел Косумель, Исла-Мухерес и Веракрус, где высаживались Кортес и его предшественники, я прошел по дороге оттуда до Мехико/Теночтитлана, путем, которым шли Кортес и его люди в 1519 году. Я посетил Жемчужный Берег и Картахену-де-Индиас на северном побережье Южной Америки. Я видел Кабо-Грасиас-а-Диос, где в 1502 году Колумб встретил торговцев-мая, и я видел залив Святой Анны (Новая Севилья) на Ямайке, где он провел печальный 1503 год.

Главным исключением из списка посещенных мной мест, упомянутых в этой книге, стала первая испанская колония на континенте – Дарьен в заливе Ураба на севере Колумбии, неподалеку от панамской границы. Эта территория сейчас находится в руках повстанцев, в чьи интересы, как мне кажется, не входит помощь историкам. Однако чтобы компенсировать этот пробел, в Британской библиотеке я подержал в руках первое издание «Амадиса Галльского» (Сарагоса, 1508).

Главы 33, 34 и 35 представляли серьезную проблему, поскольку я уже написал книгу о завоевании Мексики. Я могу только надеяться, что эти три главы будут представлять собой

изложенные вкратце наиболее существенные сведения. Я пытался дать резюме, а не пересказывать свой же текст. Здесь я хотел бы выразить свою благодарность за помощь в написании этой книги многочисленным друзьям. Среди них Омеро и Бетти Арихис (Мексика), Рафаэль Атьенса (Севилья), Гильермо Баральт (Пуэрто-Рико), Марилус Баррейос (Тенерифе), Николо Каппони (Флорентийские библиотеки), Энтони Читэм, профессор Эдуард Купер (семейства Испании XV века), Джонатан Дория (Рим), Дэвид Джонс (библиотека Палаты Лордов), Фелипе Фернандес-Арместо, Антония Фрэзер (вопросы религии), Карлос и Сильвия Фуэнтес (Мексика), Мануэль Антонио Гарсиа Аревало (Санто-Доминго), Иэн Гибсон (Гранада), Хуан Хиль (Севилья), Маурисио Гонсалес (Херес де ла Фронтера), Джон и Сюки Хемминг (Бразилия), Дэвид Хениг (вопросы населения), Эусебио Леаль (Куба), Висенте Льео (Севилья), Кармен Мена (Севилья), Франсиско Моралес Падрон (Севилья), Бенцион Нетаньяху (вопросы инквизиции), покойный Маурисио Обрегон (Карибы), Херарда де Орлеанс (Санлукар-де-Баррамед), Хуан Перес де Тудела (Мадрид), Ричард и Айрин Пайпс (Виргинские острова), Марита Мартинес дель Рио де Редо (Мексика), Оскар и Аннет де ла Рента (Санто-Доминго), Артур Росс (Ямайка), фра Винсенте Рубио (Санто-Доминго), Игнасио и Мария Глория Сегорбе (Севилья), Сантьяго и Исабель Тамарон, Джина Томас (немецкие тексты), Консуэло Варела (Севилья) и Энрикета Вила Вильяр (Севилья).

Я хотел бы поблагодарить директоров Британской библиотеки, Библиотеки Лондона, Национальных библиотек в Париже и Мадриде, Национального исторического архива в Симанкасе, Генерального архива Индий в Севилье, Архива документов в Севилье и Национального исторического архива в Мадриде.

Я также очень благодарен Глории Гутьеррес из агентства «Balcels» и Эндрю Уайли. Особенно хотелось бы поблагодарить Скотта Мойерза, прежде работавшего в нью-йоркском «Рэндом Хауз», за его скрупулезную работу над ранней версией книги, и сменившего его Дэвида Эберсхоффа за помощь. Моя жена Ванесса благосклонно согласилась прочесть рукопись книги и ее корректуру. Я очень признателен Терезе Веласко за то, что она тщательно распечатала и перепечатала рукопись, Джейн Биркетт за дотошную редактуру и Дугласу Мэтьюзу за быстрое и прекрасное составление алфавитного указателя.

Приношу благодарность трудам двух ученых, чья работа так мне помогла: Эрнсту Шаферу, продолжателю великой традиции немецкой науки, за алфавитный указатель к двум сериям собранных и не публиковавшихся раньше официальных документов, взятых из архива Индий (см. CDI и CDIU в библиографии), и Антонио Муро Орехона за соответствующую работу над каталогом американских документов в севильском Архиве документов (также см. Библиографию).

*Хью Томас,
17 марта 2003 года*

Примечания:

1. Я обычно англизировал испанские географические названия, когда есть английский вариант, – Гавана, а не Хабана, Севилья, а не Севийя. Но христианские имена я оставлял так, как они звучат по-испански, – Хуана, а не Иоанна, Фернандо, а не Фердинанд¹.

Я также переводил титулы – герцог, но не дуке.

¹ В нашем переводе мы будем использовать традиционное для отечественной историографии «латинизированное» написание королевских имен: Фердинанд, а не Фернандо и т. д. (Прим. перев.)

2. В Испании XVI века люди выбирали фамилию любого из своих дедов или бабок. Например, два брата могли иметь совершенно разные фамилии – Лас Касас мог приходиться братом Пеньялосе.

3. Я старался стандартизировать валюты, переводя все цены в мараведи.

4. Большое количество цитат из Бартоломе де лас Касаса, Гонсало Фернандеса де Овьедо, самого Колумба и Пьетро Мартитре д'Ангиера, а также из сборника документов Мартина Фернандеса де Наваррете и «*Collection de documentes inedits*», относящихся к открытию Нового Света и его завоеванию, – мои собственные переводы. Те часы, которые я провел, занимаясь этой чудесной работой, – самые замечательные в моей жизни.

Книга первая Испания на перепутье

Глава 1

«Этот город – жена, муж ее – гора»

*Остановись на террасе Альгамбры и оглянись вокруг.
Этот город – жена, муж ее – гора,
Опоясанная водами,
Цветы ожерельем охватывают ее шею,
Перстни ее – ручки, и – узри! – свадебные гости
ее роиц деревьев.
Жажду их утоляют каналы.
Альгамбра высится подобно венцу на челе Гранады,
В который вплетены звезды.
Альгамбра (да хранит ее Аллах)
Подобна рубину в этом венце.
Гранада – невеста, чей венец – Альгамбра,
Цветы – украшения и драгоценности ее.*

Ибн Замрак^[1], ок. 1450 года

Испанская армия и двор рас полагались в Андалусии, в Санта-Фе – новом белом городе, который построили король Фердинанд и королева Изабелла для осады Гранады, последнего оплота исламского сопротивления христианству в Испании. Стояла осень 1491 года. Те, кто бывал в это время года на плодородной равнине, *веге*, на которой стоит Гранада, помнят эту легкую прохладу ясного утра, полуденное синее небо и сверкание почти вечных снегов высокой *сьерры* на юге.

Санта-Фе был возведен солдатами наскоро, за восемьдесят дней, и напоминал решетчатый крест в четыре сотни шагов длиной и три сотни шагов шириной. По совпадению, после решения Фердинанда построить город, пожар уничтожил старый испанский военный лагерь поблизости^[2]. Королева едва успела спастись из шатра, причем ей пришлось на время одолжить одежду у подруги. Чтобы добыть материал для строительства нового города, солдаты снесли до основания несколько деревень по соседству. Но сейчас у Санта-Фе имелся собственный мэр, придворный, один из героев предшествующего периода войны с Гранадой – Франсиско де Бобадилья, *comendador* (командор) ордена Калатрава, одного из полурелигиозных братств, сыгравших такую большую роль в христианской Реконкисте Испании. Бобадилья также был *maestresala* (мажордом) монархов и братом лучшей подруги королевы, Беатрис де Бобадилья^[3]. Теперь в городе имелись стойла на тысячу лошадей. Эта демонстрация решительности испанцев и скорость, с которой они выстроили Санта-Фе, послужили сильным психологическим оружием против мусульман^[4].

Санта-Фе и до сих пор являет собой маленький, сияющий белый город. Стоя на площади перед церковью Санта-Мария-де-Энкарнасьон, возведенной в XVI веке, можно видеть отходящие от нее во все четыре стороны улочки с белеными домами. Посередине каждой из четырех древних внешних стен видны ворота, увенчанные часовенками. Ярko-белые, они кажутся новенькими и вечными. Над входом в церковь изваяно копье с надписью «Аве, Мария!» в память кабальеро Эрнана Переса де Пулгара, «доблестного рыцаря»^[5], который однажды

зимней ночью проник в Гранаду по потайному ходу, чтобы пригвоздить своим кинжалом к дверям главной мечети города пергамент с этими словами^[6].

Подвиг Пулгара напоминает, что конфликт христиан с мусульманами рассматривался многими как священная война, в которой мужи стремились выказать свою храбрость. Большинство представителей испанской аристократии участвовали в ней, и многие сражались не только ради завоевания Гранады, но и ради славы.

Гранада лежит на высоте полутысячи футов над уровнем моря в шести милях к югу от Санта-Фе. Из испанского лагеря этот город казался массой дворцов и домиков, питаемых водой двух рек, сбегавших с гор Сьерра-Невады, Хениль и Дарро, которые сочетаются браком, то есть сливаются прямо возле города. «Что Каир хвалится своим Нилом, когда у Гранады тысяча Нилов?» – вопрошал мусульманский поэт. С высоких минаретов над мечетями, которые, как считали христиане, вскоре станут церквями, муэдзины призывали правоверных к молитве.

Испанские монархи восемь лет назад получили от покладистого папы-генуэзца Иннокентия VIII право покровительства всем церквям и монастырям, которые будут основаны на завоеванной территории^[7]. Испанские солдаты могли во время разведки заглядывать в осажденный город. Их глаза притягивала «арка ушей», Пласа-дель-Ареналь, не говоря уже о Бибаррамбле, квартале ремесленников, а также плотно заселенный богатый квартал Альбайсин.

Город был, скорее, похож на мусульманские города Северной Африки, чем на христианскую Испанию, как могли бы сказать один-два опытных солдата. Красоту голубых черепиц Гранады не было видно издалека, также христиане не могли прочесть арабских изречений «Не будь праздным», или «Нет победителя, кроме Бога», или даже «Благословен Тот, кто дал имаму Мухаммеду дворец, краше которого нет». Но слухи о богатстве Гранады ходили по испанскому лагерю. Некоторые кастильцы считали, что река Дарро – золотоносная, но более трезвые испанские командиры знали, что главным богатством Гранады был шелк, который иногда привозили в виде сырца из Италии, но по большей части производили в долине Альпухаррас на юге, за Сьерра-Невадой и, выкрашенный в разные цвета, продавали на рынке *la alcaiceria*.

Выше располагался очаровательный, беспорядочный дворец Альгамбра, большая часть которого была построена в XIII и XIV веках, причем большую часть работ выполнили рабы-христиане. Опять же, из испанского лагеря не было видно множества арок, ведущих из одной великолепной комнаты в другую. Но были видны крепкие башни и соединявшие их деревянные галереи. Еще выше, в конце тропинки, окаймленной миртом и лавром, раскинулись прекрасные сады Хенералифе, полные замечательных плодов и прекрасных источников – по крайней мере, так говорили лазутчики^[8].

Но осаждавшие видели в городе одетых в смехотворные, по их мнению, мусульманские одежды мужчин и женщин. Женщины носили так называемые бурка – одеяния, скрывающие не только их тела, но и большую часть лица. По ночам они напоминали призраков^[9]. Также там были и беженцы, спасавшиеся от христиан после более ранних сражений, из других городов. Но не только они, а еще и люди, которые не хотели жить как зависимые мусульмане (*мудехары*) в условиях, установленных в таких местах, как Уэскар, Сахара, Малага, Алькала-де-лос-Газулес и Антекера^[10].

К этому времени только немногие из *мосарабов* – христиан, переживших несколько поколений мусульманского правления, оставались в Гранаде. Большинство из тех, что некогда жили здесь, были изгнаны властями как возможные предатели. В Гранаде жило некоторое количество евреев – но их обычаи, равно как еда и официальный язык, были по большей части арабскими. Они куда больше подходили к стилю жизни этого города, чем христиане.

Гранада была столицей эмирата, возникшего в XIII столетии из тени других павших исламских монархий – Кордовы, Валенсии, Хаэна и Севильи. Эмиры происходили из семейства Насридов, которое возвысилось в 1240-х годах, когда умный полководец из маленького городка Архона в Центральной Андалусии, в семи милях от Андухара, сам провозгласил себя монар-

хом под именем Мухаммада I. Он заключил мир с христианами, послал пять сотен человек на помощь королю Фердинанду при захвате Севильи и выплатил дань кастильцам. Эти отношения тянулись бесконечно – Гранада платила золотом Кастилии до 1480 года, чтобы обеспечить свое существование, хотя считали ли христиане это вассалитетом, остается под вопросом.

Этот осажденный город в 1491 году оставался последней цитаделью исламской империи, которая некогда простиралась за Пиренеи и включала в себя северные испанские территории, такие как Галисия и некоторое время даже Астурия. Некогда исламская цивилизация Испании была богатой, сложной и образованной, а кастильцы, как и прочие христиане, многому у нее учились. Но европейская цивилизация больше не искала в исламском мире вдохновения.

Насриды избрали Гранаду своим оплотом, как религиозным, так и военным. Хотя ее внутренняя политика была некрасивой, убийство и предательство в правящей семье стали нормой, но муллы были суровы^[11]. Всем мусульманам из других мест их духовные предводители предписывали бежать именно сюда: «Во имя Аллаха, о мусульмане, Гранада не имеет равных, и нет ничего лучше, чем служить на рубеже во время Священной войны... Аль-Андалус... где по слову Пророка живые счастливы, а мертвые мученики, это город, в который, доколе он стоит, христиане не попадут иначе как пленники...»^[12]

Несмотря на такие советы, многие мусульмане оставались жить в городах христианской Испании, в *морериях* – мусульманских гетто: около 30 000 человек в Арагоне, в основном в долине Эбро, примерно 75 000 в Валенсии и от 17 000 до 25 000 в Кастилии^[13]. Условия их жизни были одинаковы, будь они жертвами недавних завоеваний или их предки отделились под власть христианской Испании в XIII веке или раньше. Если христиане после сражения захватывали мусульманский город, мусульман из него изгоняли, но если город сдавался без боя, они часто там оставались и становились *мудехарами*^[14]. Последнее решение казалось исламу опасным. Исламский законник писал: «Следует опасаться всепроникающего влияния их [христиан] образа жизни, их языка, их платья, их отвратительных обычаев и их влияния на людей, долго живущих рядом с ними, как это случилось с [мусульманскими] жителями Авилы и других городов, ибо они утратили свой арабский язык, а когда был забыт язык, они утратили и свою правоту»^[15]. Но с исламским законодательством шла вразрез и выплата государством дани христианскому королю, как делала Гранада большую часть своего существования.

Но христиане поступали по-разному. Наварра, номинально независимое королевство на севере, в Пиренеях, была особенно терпима к исламу. На юге такой терпимости проявлялось значительно меньше, хотя использование арабского языка продержалось в Валенсии дольше, чем где бы то ни было. Большинство христианских властей в Кастилии, однако, допускали исламские обычаи. Господствующий кодекс законов Альфонсо X, «Семь партий», гласил, что «мавры пусть живут среди христиан так же, как и... евреи, следя за своими землями и не нанося урону нашим... да не отнимается у них имущество»^[16].

Многие из христианских предводителей в Санта-Фе хорошо знали арабский мир, а кто-то даже испытывал чувство верности обеим сторонам. Некоторые рыцари в христианском воинстве были мусульманского происхождения, а новообращенные и перебежчики много лет играли большую роль в этих войнах. Конфликты последних поколений приводили к заключению союзов, многие из которых были сомнительны, а одна прославленная мусульманская семья, воспетая в балладах Абенсеррахи, в 1460-х нашла убежище у герцога Медина Сидония^[17].

Покойный монарх Гранады, Абу аль-Хассан, сделал своей любимой женой прекрасную пленницу-христианку Исабель де Солис, дав ей имя Сорайя. Отсюда, естественно, пошла вражда между семьями двух жен Абу аль-Хассана.

Война против Гранады порой, казалось, шла на равных, испанцы тоже терпели поражения. Но теперь было понятно, что эмират скоро сдастся и война окончится триумфом христиан. После почти восьми сотен лет весь полуостров будет свободен от мусульманского ига.

Грядущая победа обуславливалась несколькими предпосылками: земледелие мусульман в *веге* было подорвано постоянными налетами испанцев, *талас*, осуществлявшимися начиная с 1482 года из недавно завоеванного города Альхама. Испанцы уничтожали пшеницу и оливковые деревья. Натиск кастильцев был успешен. Города сдавались один за другим – даже Ронда с ее высокими стенами, считавшимися неприступными. В 1487 году падение порта Малага практически решило итог войны. Тысячи арабов были взяты в плен, сотни обращены в рабство^[18].

Гранада все еще имела выход к морю через южные горы и рыбацкий городок Адру, где, по идее, могли бы высадиться подкрепления из Северной Африки. Но помощь не пришла. Исламские эмираты Магриба были дружественны Насридам, но в это время помощи дать не могли. Только одна деревня вне стен Гранады все еще поставляла в город фрукты и овощи, это была Альфакар в четырех милях к востоку от города на склонах Сьерра-де-Уэтор.

Эмир города, безвольный Боабдил, некогда был пленником у христиан, и хотя он нарушил условия соглашения его семьи с испанцами как минимум один раз, его верность собственному народу теперь тоже была под вопросом. Разлад в Гранаде тоже стал фактором победы христиан, особенно после 1485 года, когда испанская армия рассекла эмират на две части.

Не сразу очевидно, почему кампания против Гранады началась в начале 1480-х. В городе было около полумиллиона мусульман, чьих правителей наверняка можно было угрозами заставить выплачивать дань, которую они исправно платили в течение 250 лет. Несомненно, требовалось стереть из памяти 1481 год, когда Муллаи Хасан, дядя эмира Боабдила, захватил христианский город Сахару (в то время как ее правитель, Гонсало Сааведра, был в загуле в Севилье) и предал мечу большую часть города. Но это поражение уже было отомщено победами христиан в Альхаме, Лусене и Ронде.

Во всяком случае, решение присоединить Гранаду к Кастилии было принято кортесами (парламентом) в Толедо в 1480 году. Хронист Альфонсо де Паленсия, хорошо знавший королеву Изабеллу, был уверен, что она и ее супруг король Фердинанд решили положить конец независимости Гранады еще в самом начале своего правления. Они не раз заключали перемирия с эмиратом в 1470-х, когда им надо было уладить внутренние проблемы, но, разобравшись с ними, они поручили чиновнику из Севильи, Диего Мерло, начать наступление на Гранаду^[19].

Правда заключается в том, что христиане на протяжении XIII и большей части XIV столетия рассматривали эмират исключительно как мусульманское владение внутри Кастилии. Правители Гранады порой посылали солдат сражаться на стороне кастильского короля. Но, похоже, они воспользовались гражданской войной в Кастилии и во время одного из перемирий с Изабеллой разорвали старые союзы. Теперь настала пора положить этому конец (по крайней мере, такое объяснение дал Фердинанд мамелюкам Египта)^[20].

Богатство Гранады, несколько преувеличенное, также очень манило христиан, хотя оно по большей части зависело от генуэзских купцов (семейств Чентуриони, Палавичини и Вивальди), а также от Датины и Прато, чья торговля связывала мусульманскую Испанию с Северной Африкой и далее с Италией. После поражения Насридов они могли покинуть Гранаду. Генуэзцы были, конечно, христианами, но многие из них относились к вере легкомысленно.

Фердинанд и Изабелла, несомненно, хотели порадовать папу, а нунций папы Сикста IV, Николо Франко, говорил в 1470-х об опасности сохранения мусульманского анклава в Испании – в то же самое время, когда выступал против евреев в Кастилии. В 1479 году папа издал буллу о крестовом походе, призывающую к войне против мавров Гранады, и повторил призыв в другом подобном документе, *Orthodoxae Fidei* в 1482 году.

Христианство играло центральную роль в кастильской армии. Перед солдатами в битву несли серебряный крест, дарованный папой Сикстом IV. Его несли перед знаменем святого Якова (Сант-Яго), покровителя страны. Также армию сопровождал меч Святого Фердинанда, короля, завоевавшего Севилью в XIII веке, а также знамя святого Сан-Исидро (святого Иси-

дора), ученого епископа Севильи, жившего в VII веке. Всегда войско сопровождали священники, чтобы петь «*Te Deum*», в битвах сражались архиепископы и епископы.

Быстрое превращение мечетей в церкви, украшенные многочисленными крестами и колоколами, стало признаком завоеванных христианами городов. Это были дни, когда папы и кардиналы должны были вести собственные битвы. Епископы окружали себя свитой вооруженных вассалов. Они соперничали друг с другом в великолепии своих войск. При необходимости клирики сами вступали в бой, и войска их порой усиливались купцами. Луис Ортега, епископ Хаэна, разумно управлял Альхамой после ее завоевания в 1482 году, в то время как архиепископ Каррильо предводительствовал войсками под командованием короля Фердинанда в битве при Торо в 1475 году. Епископы Паленсии, Авилы и Саламанки в одной и той же гражданской войне предводительствовали отрядами из 200, 150 и 120 копейщиков соответственно, которые содержали за свой счет^[21].

У войны с Гранадой была еще одна стратегическая цель – вырвать юго-восточное побережье Испании из-под власти, связанной с пугающей, агрессивной международной угрозой в лице турок^[22]. Кроме того, в прошлом как минимум дважды король Наварры искал союза с Гранадой, так что Кастилии грозила война на два фронта^[23]. В таких условиях существование исламской монархии на испанских землях могло расцениваться как оскорбление, по мнению нунция Франко. Мусульмане Магриба однажды могли снова исполниться уверенности и помочь Гранаде. Кроме того, последнее столетие и даже больше вдоль всей христианско-исламской границы постоянно шли стычки. Безрассудные набеги нарушали перемирия и мешали торговле, хоть они и служили источником прекрасных баллад, посвященных отважным командирам обеих сторон, изящно восседавшим на прекрасных конях (по мавританской манере, «*a la jineta*»), служившим прекрасным дамам, коварным и лукавым, или, по крайней мере, угонявшим скот. В этих балладах и христиане, и мусульмане обладали равными доблестями, достойными восхищения, и среди них не было негодяев.

Эта неуправляемая жизнь порубежья казалась опасной монархам, одержимым жадной эффективного управления, в любом случае им не по вкусу было, что аристократы ищут себе славы в конфликтах, которые Корона не может контролировать. Кроме того, всегда существовал риск, что незначительная стычка по несчастной случайности перерастет в войну в самое неподходящее время.

Возможно также, что король Фердинанд, который в прежних войнах показал себя успешным стратегом и командующим, боялся, что превосходство христиан, возникшее благодаря их артиллерии, в один прекрасный день рухнет, поскольку мусульмане выдвинут против них еще какое-нибудь новшество^[24].

Макиавелли, флорентиец, поклонник короля Фердинанда, давал более циничное объяснение: через двадцать пять лет в своем трактате «Государь» он писал, говоря о Фердинанде: «Ничто не может внушить к государю такого почтения, как военные предприятия и необычайные поступки»². Так что, возможно, Гранада была последней составляющей национальной идеи, тем, в чем постоянно враждующая между собой знать могла найти согласие. Макиавелли считал, что Фердинанд «увлек ею кастильских баронов так, что они, занявшись войной, забыли о смутах; он же тем временем, незаметно для них, сосредоточил в своих руках всю власть и подчинил их своему влиянию»^[25].

Герцог Медина Сидония, глава семейства Гусман, действительно примирился со своим недругом, маркизом Кадисом, главой дома Понсе де Леон, когда привел свои войска на помощь последнему и тем спас его под стенами Альхамы. Совместное служение общему, национальному делу объединяло этих аристократов так, как они и не мечтали в дни мира. Так, Хуан

² Перевод Г. Муравьевой. Приводится по: Макиавелли Н. Избранные произведения. М.: Художественная литература, 1982. (Прим. перев.)

Лопес де Пачеко, маркиз Вильена, старый враг королевы, успешно действовал против мусульман в Альпухарре, плодородной горной гряде к югу от города. Родриго Тельес Хирон, магистр ордена Калатрава, воевал против Изабеллы во время гражданской войны в 1470-х – но погиб, сражаясь за нее в Лохе в 1482 году. Так родилась национальная аристократия, верная национальной идее.

Глава 2

«Единственная счастливая страна»

Испания – единственная счастливая страна...
Петер Мартир. Письма, 1490 год

Испанский двор, развязавший войну с Гранадой, был странствующим двором. Его ежегодная перекочевка в течение многих поколений напоминала перегон стад мериносовых овец с летнего пастбища на зимнее и обратно. В последнее время короли кочевали в основном в юго-восточном направлении, подчиняясь необходимости войны. Но и до начала войны центр испанской власти, закона и управления был кочевым^[26]. Один год, например, монархи останавливались в двадцати различных городах и стольких же деревнях, проводя вместе со свитой неуютные ночи в пути между двумя крупными городами. Они скитались по зернопроизводящим районам юга и запада, а также долине Эбро, но не оставляли без внимания менее плодородные регионы, такие, как Галисия или Страна Басков. Они посещали винодельческие районы, такие, как богатые земли вокруг Севильи, но также и долины в среднем течении Дуэро, и нижнюю Галисию. Они знали о феодальном хозяйстве не меньше, чем о церковных и королевских владениях, – таковы были три основных вида собственности.

В 1488 году двор провел январь в освященной веками Сарагосе, проехал через весь Арагон до порта просвещенной Валенсии, куда он прибыл в конце апреля, и в мае отправился в Мурсию – место, где впечатляющие стены окружали не слишком интересный город. Затем монархи разделились: король отправился в военный лагерь близ моря, в Веру, а королева осталась в Мурсии. Но в августе двор снова воссоединился и вернулся в Кастилию, проведя несколько дней в Оканье близ многолюдного Толедо, который был излюбленным местом пребывания королевы. В сентябре они достигли сурового Вальядолида. Изабелла провела там остаток года, а Фердинанд отправился в богатые церковные города Пласенсия и Тордесильяс на Дуэро^[27].

Эта перекочевка отметила пятнадцатую годовщину правления монархов. Но кочевой быт был характерен и для правления их предков^[28]. Все прежние правители тоже проводили тысячи часов верхом – престолом Испании было седло^[29]. На каждой остановке с вьючных мулов сгружали ларцы и ящики с бумагами и канцелярскими принадлежностями, сундуки с фламандскими гобеленами и картинами, роскошными платьями и камзолами из Нидерландов, папки и воск для печатей^[30]. Каждую пятницу, будь они в Севилье или Сеговии, Мурсии или Мадриде, монархи выделяли время для публичных аудиенций, во время которых вершили суд^[31].

Дворцы, монастыри или замки, где останавливался королевский двор, были похожи друг на друга: обычно открытый круглый двор, наружная стена для защиты, никаких украшений – единственный намек на изыск, как правило, ограничивался надвратным украшением. Снаружи вряд ли можно было понять, сколько внутри строения этажей. Большая часть этих зданий имела круглые башни по углам, что контрастировало с квадратным планом сооружения, сложенного из тесаного камня. Испанские монархи повидали много таких грубых жилищ испанской знати, в которых они проводили столь много времени.

В то время монархи и двор чаще всего посещали Вальядолид, второй по величине после Севильи кастильский город. Это была почти столица, и город процветал: здесь после 1480 года располагалась новая канцелярия или верховный суд Кастилии. Еще не была возведена одна из архитектурных жемчужин того времени – колледж Сан-Грегорио, основанный образованным духовником королевы Альфонсо де Бургосом, позднее епископом Паленсии, как и соседний изящный колледж де Санта-Крус, построенный по заказу кардинала Мендосы. Оба они будут

позже возведены выдающимся испанским архитектором Энрике де Эгасом. Эти два новых колледжа казались новому поколению епископов и преподавателей ключом к учености.

Но не завидовали ли испанские короли и не копировали ли давно возникшие постоянные столицы своих малоподвижных соседей – королей Португалии, Франции и Англии – и тем более Гранады? Разве сами императоры не были гостями в Риме?^[32] Королевские перекочевки были тяжелы как для двора, так и для советников, и уж точно для самих монархов (особенно тех, кто страдал от подагры). Мудрая сводня Селестина из одноименного романа Фернандо де Рохаса говорила: «Тот, кто живет во многих местах, ни в одном не находит отдыха», и Сенека вторит ей: «У путешественников много мест для жилья, но мало друзей».

Действительно, в 1478 году беременная Изабелла некоторое время провела в Севилье, в то время как ее муж Фердинанд отправился в Сарагосу и Барселону, чтобы разобраться с тем, что он считал исламской и французской угрозой. Иногда король также выбирал место для остановки на несколько дней там, где была хорошая охота. Обоих монархов часто можно было застать в иеронимитских монастырях^[33] – таких, как прекрасное сельскохозяйственное имение Ла Мехорада неподалеку от Медина-дель-Кампо, или во францисканских хозяйствах Эль Аброхо неподалеку от Вальядолида, где они на время удалялись от мира^[34].

У этих государственных перекочевки были и свои преимущества: Фердинанд и Изабелла посетили почти все уголки Испании, где выслушивали жалобы и вершили суд. Английские монархи иногда ни разу не покидали родной страны, французские редко покидали Иль де Франс³. А вот испанские владыки знали собственное королевство лучше, чем другие монархи знали свои земли. Когда они пытались урегулировать требования конфликтующих сторон, они видели практические последствия собственных приговоров. Они также встречались с жителями провинций, где примечали тех, кто могли бы стать хорошими государственными служащими^[35].

Такие странствия были тем более важны, что королевства были раздроблены. Фердинанд и Изабелла могли, по мере необходимости, встречаться со всеми четырьмя кортесами (парламентами) Каталонии, Арагона или Валенсии и Кастилии. В 1486 году они побывали даже в далекой Галисии, в первую очередь для того, чтобы подавить восстание графа Лемоса. Однако оказавшись там, они не только лично наблюдали за разрушением двадцати замков потенциальных мятежников, но также посетили Сантьяго, чтобы помолиться перед гробницей святого апостола Иакова. Они поручили Эгасу построить странноприимный дом рядом с собором покойного епископа Диего Хемиреса – строение, в котором, как они надеялись, разместится школа врачей, а также гостиница для пилигримов^[36].

Монархи также дважды посетили Бильбао, в то время как Фердинанд в 1476 году посещал Гернику и поклялся уважать *fueros* (права) Страны Басков. Единственной частью Испании, которую они не посетили, была Астурия, хотя она и являлась колыбелью их королевства: ее древняя столица, Овьедо, была отрезана высокими горами, которые предок Фердинанда и Изабеллы, король Гарсия Астурийский, пересек в 912 году, чтобы никогда не вернуться назад^[37].

Высшая знать королевства тоже странствовала, порой не меньше королей, ибо слишком часто их владения находились в разных частях страны^[38].

В городах Кастилии, где останавливались монархи, можно увидеть рисунки фламандского художника Антона ван дер Вингаэрде. Вообще-то этот художник творил двумя поколениями позже, и некоторые из городов, которые он так тщательно выписал, за это время успели разрастись. В свете этого роста в середине XVI столетия фрай Игнасио де Буэндиа написал любопытную пьесу «*El Triunfo de Llaneza*», выступая против миграции крестьян в города в поисках заработка. Если в 1512 году население Барселоны составляло 25 000 человек, во времена Вингаэрде там уже жило более 40 000^[39]. В дни Буэндиа сельская местность обезлюдела.

³ Центральная часть Франции, район Парижа. (Прим. ред.)

Изменился и характер некоторых городов – новый собор в Севилье был закончен только в 1506 году. Строились церкви в Гранаде. Но нет гида дотошнее, чем этот фламандец, и многие из башен, дворцов, улиц и стен в 1490-м могли выглядеть так, как на его изящных рисунках.

Немецкий художник Кристоф Вайдитц из Страсбурга сохранил для нас облик испанцев того времени. Опять же, его искусная «Книга костюмов» была составлена позже, но мода тогда менялась не слишком быстро, и рыцари Вайдитца, предводители, дамы, морские капитаны, черные и мусульманские рабы в 1528 году показались бы странствующим испанским монархам вполне знакомыми. Были ли карикатурами его смеющиеся торговцы, пышногрудые графини, задумчивые моряки, трудолюбивые рабы и слуги, развязные всадники?^[40] Даже поверхностное прочтение «Селестины», одного из испанских шедевров того времени, который доньше не утратил своей остроты, дает основание предположить, что мужчины и женщины 1490 года были именно такими, как изобразил их Вайдитц.

Двор предполагал в первую очередь присутствие королевы и короля – именно в этом порядке, потому что королева Изабелла из двоих монархов была более могущественной. В то время ее единство с королем Фердинандом рассматривалось как чудо – трудно найти другой пример двух суверенных монархов, объединенных браком, которые так успешно действовали бы вместе. Вильгельм и Мария Английские? Власть первого была куда больше, чем королевы. Были два царя в Спарте и два консула в Риме, но это явно неподходящие примеры. Как ни странно, успех Изабеллы и Фердинанда так и не привел к повторению их примера.

Этих монархов часто видели в Санта-Фе в 1491 году, обычно верхом. Мы можем представить себе решительный облик Изабеллы по ее статуе – королева вдумчиво молится в королевской часовне в соборе Гранады, как изобразил ее Фелипе де Бигарни^[41]. Она была белокура и белокожа, как и большинство представителей семейства Трастамара, такой мы видим ее на множестве портретов^[42].

В 1491 году Изабелле было сорок лет. Она родилась в 1451 году во дворце своего отца, короля Кастилии Хуана II, в маленьком, но многобашенном городке Мадригаль-де-Альтас-Торрес, от которого день езды на юг до торгового города Медина-дель-Кампо. Дворец не был монументальным сооружением, он был построен просто на случай как резиденция на пути королевских поездок. Когда король Хуан умер в 1454 году, ему наследовал сводный брат Изабеллы, Энрике IV. Изабелла переехала в Аревало, на двадцать миль восточнее, где прожила семь лет с матерью, которая все глубже погружалась в слабоумие. В городе было много зданий в мудехарском стиле и прочих напоминаний о том, что он был завоеван христианами, – в частности, таким напоминанием были и сами мудехары. В Аревало они и евреи были меньшинствами, к которым относились терпимо, а раввин и его сын были широко известны своим красноречием.

В детстве Изабелла часто посещала францисканский монастырь за городом, основанный, по слухам, самим святым Франциском. Она полюбила этот орден и даже потом будет просить, чтобы ее похоронили во францисканском одеянии. Проведенное в Кастилии детство оставило свой отпечаток на Изабелле – там было жарко летом, холодно зимой, там дуют дикие ветра, а города отдалены друг от друга.

Ее образование, как и у ее брата Альфонсо, было поначалу доверено Лопе де Баррьентосу, доминиканцу, который впоследствии стал толерантным епископом Сеговии. Позднее в ее классной комнате бывали ученый Родриго Санчес де Аревало, епископ Паленсии, позднее ставший представителем своих монархов в Риме. Он был теоретиком, который развил идею о верховенстве кастильской монархии в Европе, ибо в его «*Historica Hispanica*» утверждалось, что в классические времена Кастилия не только превосходила Португалию, Наварру и Гранаду, но также Францию и Англию. Эти высокопарные утверждения о роли его страны и монархии не могли не оказать влияния на его ученицу.

От одного из своих наставников Изабелла переняла восхищение Жанной д'Арк. Когда она вышла замуж, ей преподнесли хронику деяний знаменитой Орлеанской девы, написанную анонимным поэтом, что заставило Изабеллу мечтать о том, что и она однажды вернет утраченное королевство ее предков – в данном случае Гранаду.

Вскоре она и ее брат Альфонсо отправились ко двору, чтобы вместе со свитой королевы поселиться в Сеговии (мать королевы, уже вряд ли сохранившая остатки разума, оставшиеся ей сорок лет провела в Аревало^[43]). Несмотря на все очарование Сеговии, позже перестроенной под покровительство королевы, это было для Изабеллы трудное время, ибо королева, пусть и красивая, была своенравной и непредсказуемой^[44]. Король Энрике намеревался перенять мавританский обычай, издевался над христианством и не думал о войне с исламом. Воспоминания об этом обуреваемом страстями дворе наверняка стали причиной суровости Изабеллы в будущем.

Изабелле предлагали различных женихов, и всегда по политическим мотивам – герцог Гиеньский, который мог оказать помощь в ситуации с Наваррой; старый король Португалии Афонсу, союз с которым устранил бы угрозу войны на западе; даже герцог Ричард Йорк, в будущем шекспировский король-убийца Ричард III; влиятельный аристократ Педро Хирон, брат маркиза Вильены, который мог привести большую часть земельной аристократии к повиновению Короне.

Но что же многообещающий наследник престола Арагона, троюродный брат Изабеллы, Фердинанд, у которого у самого были права на престол Кастилии и брак с которым означал объединение испанских корон?

Пока права Изабеллы на престол поддерживались врагами ее сводного брата, короля. Гражданская война между двумя группировками кастильской знати началась на нижнем уровне, и в 1468 году, когда ее брат Альфонсо умер у нее на руках, в Карденьосе близ Авилы она была провозглашена врагами короля Энрике претенденткой на престол. Ее избрали потому, что считали, что ей можно будет диктовать свою волю. С другой стороны, она казалась решительно настроенной завоевать корону Кастилии и ради этого готовой пойти на любой компромисс. Несколько последующих лет жизни для Изабеллы были сложными, полностью понятными, видимо, только специалисту по генеалогии, нотариусу или же придворному сплетнику. Все же мы должны постараться выделить то, что нам доподлинно известно, поскольку эти события являются ключом к остальной жизни Изабеллы. Эта история разыгрывалась в Старой Кастилии, в таких городах, как Сеговия, Мадригаль-де-лас-Альтас-Торрес с его пронзительными ветрами, в Аревало, Оканье и в какой-то мере в Мадриде, городе будущего.

Король Энрике был странным человеком – возможно, гомосексуалистом, порой импотентом (его первый брак с Бланкой Наваррской был признан недействительным именно по этой причине). Он был импульсивен, медлителен, порой его охватывал творческий порыв, но чаще – лень. Но он не был глуп^[45]. Аристократы считали его легко управляемым. Главный церковник страны, беспокойный архиепископ Толедский Альфонсо Каррильо де Акунья хотел, чтобы Изабеллу провозгласили королевой здесь и сейчас же, в то время как друг короля с самого детства и самый могучий из аристократов, Хуан Пачеко, маркиз де Вильена и мажордом королевства, хотел, чтобы ее просто провозгласили наследницей. Каррильо надеялся, что Изабелла в конце концов выйдет замуж за Фердинанда Арагонского. Но у Пачеко был свой претендент на ее руку – Афонсу Португальский, и они с Энрике разработали сложную схему, чтобы этого брака добиться^[46]. В конце концов Изабелла приняла титул наследницы престола, но не королевы, и не стала торопиться с замужеством, и имела на то основания, поскольку ей было всего лишь семнадцать лет. Король Энрике признал Изабеллу наследницей. Его удалось в то время убедить, что Изабелла, хотя и очень юная, более убедительная претендентка на престол, чем его собственная дочь Хуана пяти лет от роду, прозванная Бельтранехой, – по имени Бельтрана, герцога Альбукерке, «доброго рыцаря» (*el buen caballero*), поскольку были

основания считать его ее отцом^[47]. Затем последовала церемония примирения сторон в иеронимитском монастыре Гисандо у подножия гор Гредос. Изабелла, отныне официально принцесса Астурийская, отправилась к минеральным источникам Оканьи, неподалеку от Толедо с его сладкими водами, твердыни Пачеко, где большую часть своей жизни проводил и король.

У инфанты уже имелся важный механизм политической власти – хорошо подобранный двор. Его возглавлял муж ее придворной дамы, Гонсало Чакон, некогда управитель Альваро де Луны, долгое время бывшего министром короля Хуана I. Его кузен, Гутьере де Карденас^[48], мажордом двора, успешно выдвинулся из числа приближенных архиепископа Каррильо. Оканья была штаб-квартирой Карденаса, поскольку здесь был его дворец, чьи колонны венчали раковины и гербовые щиты, сохранившиеся и поныне, и именно здесь поселилась Изабелла. В 1469 году и Карденас, и Чакон были молодыми людьми, решительно настроенными добиться ослепительного успеха в государственной карьере.

Секретарем Изабеллы был ученый Альфонсо де Паленсия^[49], историк и гуманист, блистательный латинист, которому было уже пятьдесят лет. Его трактат о том, как добиваться военных побед, был популярен у будущих солдат. Он работал на столь же образованного *конверсо* – епископа Бургоса Алонсо де Картагена и, будучи в Италии, встречался с самыми выдающимися людьми своего поколения. Один историк восхваляет его как человека, «больше всего похожего на итальянского гуманиста из всех испанцев своего времени»^[50].

Исключительность советников Изабеллы – существенный момент, объясняющий ее успехи как королевы. Ее старшими фрейлинами были Беатрис де Бобадилья, позже маркиза де Мойя, и Менсия де ла Торре. Король Энрике отдал Изабелле для кормления город Мединадель-Кампо, в котором проводились ярмарки, а также монетный двор в Авилае^[51].

Изабелла выбрала в мужа Фердинанда Арагонского. Он был единственным мужским представителем королевской династии Трастамара, к которой принадлежала и она сама, и считался, по убеждению многих, ее наследником. Он был отважен и хорош собой. Она не встречалась с ним, но видела, насколько этот брак будет выгоден для Кастилии. Возможно, этот брак хотя бы обеспечит ее власть над Кастилией. Союз с Арагоном и Каталонией также скорее усилит Кастилию, чем обяжет ее поддерживать авантюры в Атлантике – как получилось бы, если бы Изабелла вышла за португальского короля.

Арагонский двор много сделал для такого решения Изабеллы. И этот брак стал триумфом в первую очередь для них, несмотря на тот факт, что легальность этого союза зависела от документа, разработанного Антонио Венерисом, представителем папы в Испании^[52]. Этот документ позволял Фердинанду жениться на женщине, состоявшей с ним в троюродном родстве. Тайный договор, предваряющий брачный, был подписан в январе 1469 года. Изабелле еще не было восемнадцати, а Фердинанду было шестнадцать лет. Арагон включал в себя не только регион под этим названием. Во владения арагонского короля входили Каталония, Валенсия и Балеарские острова, а также Сицилия и Сардиния. В Арагоне существовала конституционная система, в которой законы и свободы были разумно сбалансированы и в разработке которой большое участие принимало торговое сословие. В Барселоне имелись хорошая почтовая служба и влиятельные цеховые организации. Парламент – кортесы Арагона – имел большое влияние, а верховный судья Арагона был независим и играл важную роль в поддержании законов.

Король Альфонсо Великодушный, дядя Фердинанда, правивший перед его отцом, закрепил власть Арагона в Южной Италии, хотя его долгое отсутствие в Испании ослабило его позиции там^[53].

На первый взгляд королевство Арагон могло показаться более динамично развивающимся и более разнообразным, чем Кастилия. Но Каталония находилась в экономическом упадке. Дни ее процветания, когда она доминировала в Западном Средиземноморье, закончились, даже несмотря на то, что развивающаяся торговля Валенсии частично компенсировала

эту потерю. Более того, Кастилия имела рынки сбыта в Северной Европе – во Фландрии и Англии, успешно торгуя там шерстью. Эта торговля приносила процветание кантабрийскому побережью, особенно таким портам, как Корунья, Сантандер, Ларедо и Сан-Себастьян, чьи торговцы в конце XIII столетия создали сообщество «Братство Болот»^[54] для защиты своих интересов. Ярмарки в Медина-дель-Кампо, торговцы Бургоса, моряки и купцы Севильи с каждым годом становились все более известны за пределами Испании^[55]. Кортесы Кастилии были явно не так влиятельны как в Арагоне. Корона меньше зависела от них, поскольку у нее был альтернативный источник денег. Эти кортесы как законодательный орган были слабы^[56], но зато Кастилия становилась все богаче.

Король, услышав о матримониальных планах своей сводной сестры Изабеллы, заявил, что возьмет ее под стражу, если она не оставит это решение за ним. Это была обоснованная реакция. Но Изабелла в ответ приказала архиепископу Каррильо послать солдат, чтобы сопровождать ее в Вальядолид, где, как она знала, она будет в безопасности во дворце Хуана де Виверо, женатого на кузине Фердинанда, – племянника архиепископа, который сам некогда был королевским казначеем.

Оттуда она отправила фрая (брата) Альфонсо де Паленсия и Гутьере де Карденаса к Фердинанду Арагонскому. Принца не понадобилось убеждать отправиться вместе с ними в Кастилию, что он проделал в старинном романтическом духе – без свиты, хотя и был ранен под градом камней, сброшенных на него и его отряд в Бурго-де-Осма^[57].

В Дуэньясе, городке, принадлежавшем Педро де Акунье, графу Буэндида, брату архиепископа Каррильо, расположенном между Вальядолидом и Паленсией на рубеже между Старой и Новой Кастилией, Карденас 14 октября 1469 года представил Фердинанда Изабелле, как утверждают, с такими словами: «Вот он, вот он (Ese es, ese es)» – фразой, которая потом была помещена на его гербе в виде переплетенных «S».

И Фердинанд, и Изабелла понравились друг другу, нотариус записал их взаимные обеты, и Изабелла написала своему брату, королю Энрике: «При помощи моего письма и моих гонцов ныне извещаю ваше высочество⁴ о моем решении касательно моего брака». С тех пор она целиком посвятила себя Фердинанду – и возмущалась его постоянными изменами^[58]. Он тоже был воодушевлен: «Я умоляю вас, госпожа, писать мне чаще, поскольку, клянусь жизнью, письма очень поздно доходят»^[59].

Архиепископ совершил венчание во дворце Виверо в Вальядолиде. Кроме Фадрике Энрикеса, адмирала Кастилии, дяди Фердинанда, практически никто из крупных национальных деятелей не присутствовал. Также присутствовали внебрачные дети Фердинанда – Альфонсо и Хуана Арагонская^[60]. Фрай Перо Лопес де Алькала зачитал сомнительной подлинности буллу папы Пия II, снимающую с супругов всякий грех кровосмешения. Другой, уже подлинный документ прибыл из Рима позже.

Тот факт, что в Кастилии насчитывалось примерно четыре миллиона человек, а в Арагоне – менее миллиона, давал Изабелле преимущество в сделке с Фердинандом^[61]. Но все равно – этот брак горячо поддерживали король Арагона Хуан II, а также его друзья среди знати и деятели церкви^[62]. Фердинанд должен был стать родоначальником новой династии королей.

Фердинанд Арагонский родился в 1452 году, годом позже Изабеллы, в доме семьи Сада в Сосе, в высоких Пиренеях Арагона, куда уехала рожать его мать, Хуана Энрикес, вторая жена его отца, поскольку воздух там был хороший. Знать Арагона в те дни летом отправлялась в эту долину. Остатки ее дворцов до сих пор можно там увидеть. Историк Эрнандо де Пулгар так писал о молодом Фердинанде: «Он был настолько любезен, что все, кто хотел говорить с ним,

⁴ До первой половины XVI века испанские короли носили титул «высочество», титул «величество» был введен Карлосом I (Карлом V Габсбургом). (Прим. перев.)

жаждали служить ему»^[63]. Современный историк пишет, что он был «самым гениальным из ренессансных правителей»^[64]. Он был приветлив, умен и отважен. Но его девиз гласил: «Как наковальня, я храню молчание до времени». По сравнению с отцом он был экономен, отчего многие считали его скупым. Он любил охоту, игру, турниры и, прежде всего, женщин^[65].

По его совместным с Изабеллой портретам мы знаем, как он выглядел. На портрете в Реаль-Монастерио-де-лас-Уэльгас в Бургосе мы видим довольно смуглого человека. В Прадо мы видим его молящимся на изображении «Мадонны католических монархов», а в Колехьята-да-Санта-Мария-Дарока мы видим его с сыном, не по летам развитым инфантом Хуаном^[66].

Фердинанд был младшим кузеном Изабеллы со стороны отца, поскольку Арагоном уже почти сто лет правила младшая ветвь кастильской династии Трастамара, и он с семьей до сих пор имел обширные владения в Кастилии. Вся его жизнь проходила в коридорах власти. Он был представителем своего отца в Каталонии, когда ему было всего девять лет, а местоблюстителем государства он стал в шестнадцать лет. Это были годы гражданской войны. Фердинанд привык принимать решения вместе со своей властной матерью, Хуаной Энрикес, сестрой адмирала Кастилии^[67]. Но она умерла от рака, и молодой принц, заливаясь слезами, сказал аристократам Валенсии: «Господа, все вы знаете, с какими трудами моя матушка вела войну, чтобы удержать Каталонию в составе Арагона. Отец мой стар, а я слишком молод. Потому поручаю себя вам и в ваши руки предаюсь, и прошу вас давать мне советы, как сыну».

Принц, конечно же, понимал, что его брак может привести к объединению королевств Арагона (вместе с Валенсией и Каталонией) и Кастилии, и эта мысль была ему наслаждением. Его дед со стороны отца, король Фердинанд, который назывался «Антекерским» во славу его победы над маврами в этом городе, предсказывал и желал этого.

Фердинанд много думал о том, как нововведения, действующие в Арагоне и Каталонии, можно было бы ввести и в Кастилии. Но он обязался, ради уважения к власти, которой он будет обладать в Кастилии, уважать традиционные институты и все решения подписывать вместе с Изабеллой.

После столь благоразумной свадьбы Изабелла послала посольство к брату, королю Энрике, ради примирения, заверяя его в верности своей и Фердинанда. Но королевской чете пришлось уехать из Вальядолида, поскольку этот город вскоре был осажден верным Короне аристократом, графом Бенаvente. В 1470 году им казалось, что на их стороне оставались только Медина-дель-Кампо и Авила, и даже там они не чувствовали себя в безопасности. Энрике лишил Изабеллу права на престол и снова провозгласил наследницей свою дочь Хуану. Он разорвал соглашение при Гисандо. Прибыв в Медина-дель-Рио-Секо, гнездо семейства Энрикес, Изабелла в марте 1471 года подписала расторжение договора с королем Энрике. Во многих городах вспыхнули мятежи, обе стороны утратили контроль над своими территориями из-за поведения мятежной знати.

Эти беспорядки были улажены в 1473 году после переговоров, в ходе которых один из представителей Изабеллы, дотошный Алонсо де Кинтанилья^[68], ее казначей, двадцать три раза посещал двор короля Энрике в Алькала. Остальные же прославились своей осмотрительностью, включая Андреса де Кабрера^[69], коменданта алькасара (цитадели) Сеговии, который был женат на подруге Изабеллы, Беатрис де Бобадилья. Еще одним миротворцем был Педро Гонсалес де Мендоса, молодой кардинал-епископ Калаорры, который (под давлением папы) вместе с семейством Мендоса переметнулся на другую сторону и начал свою двадцатилетнюю службу Изабелле^[70].

Во время этих событий король и его сводная сестра провели Крещение 1474 года вместе в перестроенном алькасаре Сеговии. Энрике пел, Изабелла танцевала^[71]. Но это был их последний праздник, поскольку менее чем через год, в декабре, король Энрике внезапно скончался в маленьком городе Мадриде.

Когда эти новости дошли до Изабеллы, которая все еще оставалась в Сеговии, она впервые отважно появилась в белом траурном облачении на мессе в церкви Сан-Мартин. Она переехала в алькасар и затем, следующим утром, сверкающая золотой парчой, отправилась в не такую большую, ближе расположенную церковь Сан-Мигель, и там, на помосте, была провозглашена королевой Кастилии^[72]. Она принесла присягу, ее маленький двор (Андрес де Кабрера, Гонсало Чако, Гутьере де Карденас и Альфонсо де Паленсия) опустился на колени, как и городской совет Сеговии, впоследствии ставший единственным гарантом ее власти над нацией. Карденас ехал впереди процессии с обнаженным мечом, чтобы напомнить о королевском праве карать преступников^[73].

Молодой историк Эрнан Пульгар, который учился в школе королевских секретарей, взял на себя труд составить список королей, которые занимали трон Кастилии начиная с VIII столетия (он не мог составить такого же списка для Арагона, поскольку действующие там салические законы лишали женщин всех прав на правление). Королева также могла радоваться тому, что ее сокровищница до сих пор хранилась в алькасаре Сеговии и оставалась, таким образом, в руках ее близких друзей, Кабрерасов. Между тем Фердинанд, который находился в Арагоне во время смерти Энрике, спешно направился в Сеговию, и после улаживания некоторых кажущихся разногласий советники его и Изабеллы добились взаимопонимания, о чем было подписано соглашение 15 января 1475 года.

По этому соглашению корона Кастилии доставалась королеве. Но Фердинанд и Изабелла могли совместно издавать декреты и утверждать печати и монеты. Имя Фердинанда должно было ставиться впереди имени королевы на государственных документах, но ее герб будет стоять впереди. Ей должны будут приносить вассальную клятву, ей будут подчиняться замки, только она может назначать в Кастилии должностных лиц, и хотя Фердинанд мог, как и она, распределять доходы, только она будет устанавливать пожалования. Королева будет назначать комендантов крепостей, хотя ее муж (вероятно, благодаря своей репутации военачальника) будет назначать командующих армиями. Все приказы Фердинанда, касающиеся войны, будут немедленно считаться имеющими юридическую силу – но не в другом случае.

Оба монарха будут вершить правосудие, когда будут находиться вместе, но каждый может вершить его и сам, в обоих королевствах, хотя они всегда должны прислушиваться к Совету королевства – влиятельному комитету, составленному из знати, духовенства и нескольких образованных юристов или *letrados*.

Оба будут считаться королями Кастилии, Леона и Сицилии и князьями Арагона. Если Фердинанд умрет, Изабелла унаследует корону Арагона, несмотря на то что женщина никогда не была в этом королевстве правительницей. Понятно, что если бы Изабелла умерла, ей наследовал бы ее старший сын (или дочь), но не Фердинанд.

Фердинанд принял эти условия, хотя ему не нравились некоторые из уступок, на которые советники Изабеллы заставили его пойти, и решил покинуть Сеговию. Архиепископ Каррильо, разозленный тем, что с ним не посоветовались, выбрал обоих, и Изабеллу, и Фердинанда, и заявил, что тоже уезжает. Изабелле не было дела до отъезда архиепископа, но Фердинанда она стала умолять остаться. Он остался, но Изабелле пришлось принять некоторые небольшие изменения в соглашении: например, у них будет совместный герб, они будут пользоваться только одной печатью, и на монетах будут оба их профиля. А также у них будет общий двор^[74]. Эти учредительные соглашения были приняты – при том, что Кастилия оставалась доминирующим партнером в союзе.

С этого момента Изабеллу, кроме ее проницательного супруга, направляли еще двое мужчин: первым был кардинал Мендоса, теперь архиепископ Севильи, вторым – Эрнандо де Талавера, приор иеронимитского монастыря Прадо в Вальядолиде, ее исповедник после 1475 года.

Способный, утонченный и приятный внешне кардинал Педро Гонсалес де Мендоса, аристократ испанской церкви, «третий король Испании», как вскоре его будут называть, в своей пурпурной шляпе и плаще руководил Советом королевства точно так же, как если бы ехал по правую руку королевы в битве. В 1491 году ему было шестьдесят два года. Он был девятым, младшим сыном просвещенного Иньиго Уртадо де Мендоса, маркиза Сантьяны, поэта и гуманиста, человека достаточно культурного, чтобы соперничать с любым князем Италии. В своей истории Лас Касас писал о «великой доблести, осторожности и верности монархам» кардинала, а также о его «благородстве духа и происхождения»^[75]. На одних доблестях далеко не уедешь, но с другими его качествами поспорить было трудно. Семейство Мендоса было самым могущественным в Кастилии, члены его занимали важные посты по всему королевству. Братья, сестры, племянники и племянницы кардинала были хозяевами церкви и государства.

Молодой Мендоса еще мальчиком был отослан к своему кузену Гутьере Гомесу де Толедо, епископу Паленсии, хотя он и жил в Толедо. После изучения права в университете Саламанки будущий кардинал стал сначала приходским священником в Ите, в пятнадцати милях к северу от Гвадалахары, где потом стал архидиаконом. Он знал греческий и латынь настолько хорошо, что его могущественный отец попросил его перевести для него «Илиаду», а также «Энеиду» и некоторые поэмы Овидия. В 1454 году Мендоса стал епископом Калаорры – по сути, в семейной епархии. Он переехал ко двору, добился понимания между своей семьей и королем, поскольку его отец, который некогда был мятежником, уже умер. Он крестил предполагаемую дочь Энрике, несчастную Хуану.

Мендоса пытался уладить распри между Энрике и знатью, предупреждая, что те, кто не повинуются даже дурному королю, являются схизматиками. Благодаря дружбе с умным, пусть и самолюбивым гостем из Ватикана, Родриго Борджиа, к тому времени уже кардиналом, который был в Кастилии в 1472 году, Мендоса стал «кардиналом Испании». С 1474 года Мендоса сделался правой рукой королевы, министром более современным, чем грозный архиепископ Каррильо, хотя последний очень помог Изабелле несколько лет назад. Он также сражался при Торо, где был ранен. В 1485 году он стал архиепископом Толедо и примасом всей Испании.

Мендоса усердно добивался постов для своих протеже, которые, однако, как правило, оказывались наиболее подходящими людьми для предполагаемой службы. Он активно участвовал в войне с Гранадой, одно время даже осуществляя военное командование. После сдачи Кадиса и Альмерии он приказал сделать барельеф с изображением сдачи пятидесяти четырех мавританских городов для хоров толедского кафедрального собора. Эта работа многих мастеров, по большей части Родриго Алемана, не была закончена к 1491 году, как и кампания, ее вдохновившая. На этом барельефе видно и кардинала – работы Фелипе де Боргонья, – который скачет на коне рядом с монархами: воинственный и решительный епископ в кольчуге поверх саккоса. Мы также можем увидеть его изображенным в камне перед высоким алтарем Гранады верхом на муле, в перчатках, с его «острым орлиным профилем», как описал его Ричард Форд по контрасту с более круглыми и полными лицами монархов^[76]. Еще более воинственно он выглядит на портретной росписи на потолке его собственного Колехио-Сан-Грегорио в Вальядолиде^[77].

Мендоса был весьма избирательно верен религиозным доктринам. Он имел самый пышный стол в Испании. У него были незаконные сыновья от Менсии де Лемос, одной из страстных фрейлин распутной королевы Жуаны, которых он зачал, еще будучи епископом Сигуэнсы, и королева Изабелла, хотя и строгая, однажды спросила своего исповедника: «Не кажутся ли ему грехи кардинала слишком плотскими?»^[78] Мендоса узаконил своих детей, и старший из них, Родриго, стал графом Сиды и маркизом Сенете.

В те дни с Мендосой был близок и постоянно находился при нем фрай Эрнандо де Талавера, духовник королевы. Как и большинство королевских духовников, он имел огромное негласное влияние. В нем текла еврейская кровь, и однажды он из-за этого пострадает.

Но прежде он, протеже Мендосы, написал проповедь «Как всем верным христианам получить обновление духа во время поста» в качестве «зеркала князей» для Изабеллы, связывая королевскую власть с добродетелью и утверждая:

«Если вы королева, вы должны быть образцом и предметом вдохновения для ваших подданных... Вознеситесь, вознеситесь и узрите венец славы... ибо через эти труды и размышления вы сохраните, как орел [символ святого Иоанна Евангелиста, от которого Изабелла получила наитие], силу и бодрость юности. Обновите ваш благородный дух через Бога и достигните совершенства, ибо вы обладаете качествами женщины и владычицы совершенными и исполнены добродетели и доброты как орел среди прочих птиц»^[79].

Талавера вошел в Совет королевства по предложению Мендосы и в течение двадцати пяти лет пользовался там огромным авторитетом, равно как и влиянием на Изабеллу. Он делал для нее все, что мог, даже составил для нее расписание с целью наилучшей организации времени. Повсюду говорили, что хотя обычно исповедник встает на колени, чтобы выслушать исповедь своего царственного подопечного, Талавера стоял, в то время как Изабелла преклоняла перед ним колени. В 1475 году он написал руководство для духовной жизни своих братьев. Изабелла просила его объяснить то же самое для нее. Он скромно отказался, заявив, что то, что хорошо для монахов, не подходит для мирян. Она настояла, чтобы фрай Эрнандо написал девять глав для ее духовного руководства^[80].

Сама Изабелла была серьезной, решительной, твердой и целеустремленной. Также она была прямым человеком. Она не была слишком улыбчива, хотя юмор понимала. Она обожала учиться, умела читать по-латыни, любила музыку, часто возила с собой хор из двадцати пяти человек, а то и больше. Она часто слушала игру на виуэле, старинной гитаре и, позже, «*Cancionero del palacio*» восхитительного Хуана дель Энсины, которая пелась, как и большинство его стихов, под шестиструнную виолу или лютню. Любопытно, что она слышала в этих строках:

Mas vale penar
Sufriendo dolores
Que estar sin amores.

Лучше сносить страдания,
Жить в скорби,
Чем не знать любви^[81].

Изабелла рассматривала церемониал и музыку как полезные вспомогательные средства управления, которые подчеркивали еще и роскошный стиль королевского образа жизни. По этой причине она, не скупясь, тратила деньги на наряды – хотя во время осады Гранады носила, как правило, мрачный черный цвет^[82]. Но говорили, что она также любила балы и затейливые наряды. Она восхищалась фламандскими художниками и купила, как минимум, одну картину Мемлинга (ныне она находится в королевской часовне в Гранаде). Она любила собак и попугаев, часто возила с собой циветт. Она могла быть мстительной – но благочестивой она была всегда.

Королева была более культурной по сравнению с Фердинандом, своим супругом, в ее библиотеке было более четырех сотен книг – очень много для того времени. Она также поощряла новое искусство печати. Ее итальянский капеллан, Люцио Маринео Сиколо, говорил, что в 1490-х годах она могла слушать мессу каждый день и молиться в канонические часы, словно была монахиней. Она часто вспоминала поговорку: «Король, который не боится Бога, боится собственных подданных». Возможно, что она стала терциарием ордена францисканцев в монастыре Сан-Хуан Пабло в Вальядолиде. Еще один итальянец, Петр Мартир (Пьетро Мартире

д'Ангиера), писал: «...Сама королева, которую весь мир отчасти почитает, отчасти боится, отчасти восхищается; но когда вы получаете право входить к ней свободно, вы застаете ее в печали». Он гадал, не печалится ли она оттого, что Бог покинул ее, последствием чего стало множество смертей среди ее ближайших родственников, в том числе умерли трое ее детей?^[83]

Однако труды Изабеллы в первые десять лет ее пребывания королевой Кастилии были замечательны во многом. Ни одна женщина в истории не превзошла ее достижений. Вот как пелось в популярной песенке:

Flores de Aragon, Flores de Aragon
Dentro de Castilla son
Flores de Aragon en Castillo son.

Цветы Арагона, цветы Арагона
В Кастилии,
Цветы Арагона цветут в Кастилии.

Фердинанд, когда он стал рыцарем бургундского ордена Золотого Руна, взял своей эмблемой ярмо, символизирующее объединение государств, а также буквы «F» – Фердинанд и «Y» – Изабелла.

Эти двое монархов основали свое королевство на сотрудничестве, пусть не всегда счастливым, но чрезвычайно важном и выгодном для обоих государств. Но проблемы Испании не закончились, когда Изабелла взяла власть в свои руки. Если большая часть Севера поддержала ее, на Юге отношение к ней было двойственным. Новый маркиз Вильена, сын Пачеко, твердо стоял за двенадцатилетнюю Хуану, дочь умершего короля Энрике, которая находилась под его контролем и которую друзья Изабеллы двусмысленно называли «дочерью королевы». Земли Пачеко на востоке и юге были способны выставить целую армию. Теперь его поддерживал раздраженный архиепископ Каррильо, граф Бенаvente, знать северо-западной Кастилии, Родриго Понсе де Леон в Севилье и Альваро де Суньига, герцог Бехар, в Эстремадуре.

Португальский король Афонсу заявил о своем намерении жениться на Хуане, и вспыхнула война. Много городов поддержали Хуану. Португальская армия вторглась в северо-западную Кастилию. Некоторые полагают, что эта война не имела смысла^[84]. Но если бы победили португальцы и Ла Бельтранеха, будущее полуострова стало бы совершенно иным, поскольку возник бы союз Португалии и Кастилии, а не Арагона и Кастилии. Выгоды такого брака тоже были бы немалыми, – но история пошла бы другим путем.

После множества нападений из засад, маневрирования, набегов на территорию Португалии и усилий Изабеллы и Фердинанда по достижению мира Фердинанд встретился с Афонсу в марте 1476 года в битве при Пелеагонсало возле Торо – укрепленного пограничного города на реке Дуэро. Хотя люди Фердинанда устали и артиллерия вовремя не подошла, победа его оказалась решительной. Некоторое время война еще шла на побережье Африки, продолжались бои в Эстремадуре. Но дело Хуаны было проиграно^[85]. Афонсу, который уже передал престол Португалии сыну, попытался убедить Францию помочь ему, но безуспешно.

На следующий год Фердинанд сменил отца на престоле Арагона. Он неустанно отстаивал интересы своего королевства и служил королевству своей супруги.

Будучи по происхождению кастильцем, но выросшим в Арагоне, Фердинанд был идеален для своей сложной роли. Он поставил опыт успешного управления Арагоном и Каталонией на службу Кастилии. Он был более обходителен, чем королева, но при этом и более жесток, расчетлив и циничен. Эти качества хорошо совпадали с предсказаниями многих религиозных деятелей о том, что он станет королем, который вернет христианам Святую Землю^[86]. Он был

трудолюбив и знал свое дело, обладал чувством юмора, которого, казалось, была лишена его супруга. Он инстинктивно искал умеренного решения проблем, предчувствуя, что в противном случае решить их не удастся^[87].

Фердинанд мог быть нравоучительным, если это было необходимо. «Во всех моих королевствах я всегда в первую очередь забочусь о благе людей, а не о моих личных интересах», – написал он однажды лучшему своему военачальнику, Гонсало Фернандесу де Кордова, «*El Gran Capitan*», который предлагал ввести особые концессии в отношении поставок пшеницы на Сицилию^[88]. Несмотря на часто высказываемые теплые слова в отношении своей супруги, он был скорее счетной машиной, чем страстным человеком. Немецкий путешественник Мюнцер, однако, всегда вспоминал его как человека, зависшего между смехом и серьезностью^[89].

Во времена Фердинанда и Изабеллы Испания начала смотреть за обычные пределы – не на Средиземноморье, где Арагон многие поколения проявлял активность, но на Атлантику. Завоевание Канарских островов казалось мелочью. И все же как зимой луч солнца говорит о приходе весны, так и испанское завоевание Канар стало знаком настоящего восхождения страны на международный небосклон. Итальянский царедворец, Петер Мартир, рассматривал это как результат достижений двух монархов. Испания была «единственной счастливой страной»^[90].

Глава 3

«Великое спокойствие и порядок»

Эти католические монархи были весьма прославляемы в те дни за их мудрость и за то, что установили великий покой и порядок в своих королевствах.

Гвиччардини, «История Италии»

В годы своей совместной власти Фердинанд и Изабелла достигли исключительного успеха. Трудно найти важный вопрос, по которому бы их мнения расходились. Их девиз «*Tanto monta, monta tanto, Isabel con Fernando*» («Все едино, Изабелла есть одно с Фердинандом») указывал на их равенство – оба монарха могли управлять обоими своими королевствами, а также тем или другим. Но это с самого начала было личным замыслом Фердинанда – сложный узел лучше просто разрубить, как это сделал Александр с Гордиевым узлом^[91].

И Изабелла, и Фердинанд унаследовали от своих предшественников уверенность в том, что королевское правосудие должно защищать слабых и вознаграждать успешных. Они воспринимали свой долг настолько же серьезно, как серьезно относились к своей славе. У них также был дар вызывать доверие даже в душах своих беднейших подданных. Они покончили с хронической гражданской войной, которая была обычным способом выяснения отношений между монархами и знатью в обоих их королевствах. Все хронисты того времени свидетельствуют о жестокостях былых дней – даже если делать поправку на их желание польстить новым правителям^[92]. Их деяния сравнивались с деяниями их современников – монархов Франции и Англии, где короли восстановили мир и порядок после долгих лет гражданских войн. Но ни там, ни там не было такого единения, как между Кастилией и Арагоном.

Постоянно странствуя, сурово подавляя мятежи, благоразумно раздавая награды и титулы, монархи свели знать к положению одного из сословий королевства, тогда как прежде она бывала соперницей Короне. Кастильские дворяне могли все еще вести свою локальную политику, но национальной политики они уже не определяли. Например, в прошлом они составляли большинство в Совете королевства. Но после кортесов 1480 года в Толедо его составили прелат (прежде всего кардинал Мендоса) в качестве председателя, восемь или девять ученых государственных служащих (*letrados*) в качестве членов совета, а также три рыцаря. Аристократия и высшие церковные иерархи по-прежнему могли присутствовать на Совете – но без права голоса. Этот комитет, который прежде был судебным, становился руководящим элементом управления^[93]. Все больше и больше юридической работы между тем выполнял верховный суд (*audiencia real*), чьи судьи (*oidores*) собирались в Вальядолиде.

Задачей муниципальных советников (*corregidor*)^[94], которые уже существовали в большинстве крупных городов, было укрепление королевской власти, ибо эти представители Короны, часто происходившие из мелкого дворянства, председательствовали в городских советах. Типичным коррегидором в Толедо был поэт Гомес Манрике, чей брат являлся магистром ордена Сант-Яго^[95]. В 1490 году около пятидесяти таких чиновников, представителей центральной власти, насчитывалось по всему королевству – зачастую в заштатных регионах, таких как маркизат Вильена.

Флорентийский историк Франческо Гвиччардини, дипломат, бывший в Испании в 1512 году, писал, что «эти двое монархов были весьма прославляемы в те дни, – то есть в его дни, – высоко чтимы за их мудрость и за то, что установили великий покой и порядок в своих королевствах, которые прежде были самыми мятежными»^[96].

До Фердинанда и Изабеллы большая часть королевского дохода поступала от налогов на продажу (*alcabala*) или таможенных пошлин (*almojarifazgo*). Хотя объединенная монархия не

пренебрегала этими источниками, новые люди изобрели новые способы добывания денег – в теории, на войну с исламом, но которые предполагалось сохранить и потом: налог, известный как *cruzada*, «крестовый» налог; доля от десятины и пожалований церковным собраниям; прямые сборы с епископов и городов. Корона также разработала прибыльные соглашения с Местой – коллегией, которая владела двумя с половиной миллионами мериносовых овец в Кастилии^[97]. В 1488 году Корона попыталась регулировать различные методы взвешивания продукции – имелись большие различия в разных унциях, – объявив, что все меры весов должны согласовываться с недавно установленными стандартами для драгоценных металлов^[98]. Фердинанд добился титула великого магистра всех трех важных военных орденов (Сант-Яго, Алькантара и Калатрава), что принесло ему богатство и славу, ибо эти организации имели много земель и в прошлом служили основой для власти крупнейших аристократов, Альваро де Луна или Хуана Пачеко.

Таким образом, корона Кастилии могла в течение долгого времени обходиться без кортесов, поскольку у нее было меньше необходимости искать дотаций, чем у Арагона. В Кастилии кортесы ни разу не созывались между 1480 и 1498 годами. Это собрание, как упоминалось ранее, в любом случае было не столь influentially, как аналогичный орган в королевстве Фердинанда. Присутствия церковников и знати не требовалось, и поэтому они там созывались редко. Число городов, присылавших *procuradores* (представителей) в кортесы, было снижено до семнадцати^[99], и большую часть XV столетия от каждого города было не более двух представителей. То есть даже когда королева ощущала необходимость созвать кортесы, поскольку нуждалась в деньгах для войны, ей просто было нужно встретиться с тридцатью четырьмя представителями, из которых многие были ее друзьями, а остальных можно было уговорить.

Что касается международных отношений, то после поражения в 1470-х король Португалии был отстранен от власти и больше не представлял угрозы для Кастилии – и для Канарских островов, которые, как и часть африканского побережья, к тому времени находились в основном под испанским правлением – хотя острова Тенерифе и Ла-Пальма еще предстояло завоевать. Также был достигнут мир с Францией, хотя будущее Перпиньяна и Руссильона (захваченных Францией в 1460-х) оставалось неясным. Англия была связана с Кастилией договором о взаимопомощи, подписанном в Медина-дель-Кампо в 1489 году. Эти дипломатические успехи отчасти были следствием организации Фердинандом постоянных посольств в пяти европейских столицах. Это помогало ему быть более информированным, чем его современники-монархи. Этот успех также был результатом того, что Кастилия и Арагон, пусть у себя на родине и бывшие самостоятельными королевствами, внешне воспринимались как единая сила.

Учреждение по предложению советника Изабеллы Кинтанильи кортесами 1476 года в Мадригалье национального варианта вооруженных братств (*hermandades*), осуществлявших поддержание порядка на местах, стало рождением кастильской национальной полиции с юридическими функциями: каждый город должен был выставить одного всадника от сотни домовладельцев. Первым командующим стал сводный брат Фердинанда, Альфонсо де Арагон, герцог Вильяэрмоса^[100].

Как обычно, когда монархам приписывается какая-то важная перемена, некоторые начинают утверждать, что преобразования начались задолго до правления конкретно этих королей. Историк Тарсисио де Аскона, например, называет всю династию Трастамара и тех, кто их поддерживал, революционерами^[101]. Но достижения этих двоих последних представителей династии, Изабеллы и Фердинанда, были особенными.

Трудно сказать, сколько в точности собралось солдат в Санта-Фе в 1491 году для последнего сражения с исламом в Испании: возможно, от 6 до 10 тысяч рыцарей и от 10 до 16 тысяч оруженосцев в составе армии, которая в целом составляла 80 тысяч человек^[102].

Фердинанд показал себя благоразумным полководцем – это качество он продемонстрировал и раньше, в кампаниях против португальцев и мятежных кастильцев. Разрушение Тахары, осада Малаги, захват Ронды, прежде считавшейся неприступной, а также маленьких городов, таких как Сетениль (где потерпел поражение дед Фердинанда) и Алора («о ты, град крепостенный у потока»), были личными триумфами Фердинанда. Он научился импровизировать в самых неблагоприятных условиях^[103].

Королева в своих приготовлениях в Кордове в 1484-м, как и при осаде Бургоса, показала себя способным интендантом. Она основывала военные госпитали, эффективно снабжала артиллерию, поставляла провизию, присылала людей и лошадей. Инженеры, дорожные строители, кузнецы и быки требовались всегда. Организовать все это было непростой задачей – армия Кастилии потребляла ежедневно 30 тысяч фунтов ржи и ячменя^[104].

Среди ведущих испанских командиров выделялся порывистый Родриго Понсе де Леон, граф Аркос, рыжий и высокий, герой как современной ему хроники, написанной Андресом де Бернальдесом, так и американского историка XIX века Уильяма Прескотта. Дон Родриго воплощал в себе рыцарский дух, исповедовал честь, отвагу, верность монархам, куртуазность и щедрость. Шотландский философ Дэвид Юм писал, что «в XV веке в Испании рыцарский дух и благородство подпитывались воображением людей и развились в настоящий культ»^[105].

Хотя дон Родриго одно время поддерживал Хуану Бельтранеху и португальцев и нарушил королевское перемирие с Гранадой в 1477-м, чтобы захватить два маленьких мусульманских городка в следующем году, он также спас Фердинанду жизнь в бою^[106]. Он был опытным командиром – в 1482 году он собрал 2500 всадников и 3000 пехотинцев у Марчены и незаметно провел их по сложной местности, чтобы захватить богатый город Альгаму – наиболее замечательный подвиг этой войны. Он также изобретательно построил деревянную крепость, способную вместить 14 000 пехотинцев и 2500 всадников, чтобы они могли послужить при осаде Малаги в 1487 году.

Более космополитичным рыцарем был Иньиго Лопес де Мендоса, блистательный граф де Тендилья, племянник кардинала Мендосы, который стал губернатором Альгамы после ее падения. Он был послом в Риме и поразил Ватикан своим экстравагантным поведением^[107]. Мы не должны забывать и о наследном коннетабле Кастилии, Педро Фернандесе де Веласко, графе Аро, который был ранен в лицо при Лохе. Пост коннетабля стал в его семье наследным в 1472 году – как раз в то время, когда пост адмирала Кастилии был пожалован семейству Энрикес. Это был хороший способ обеспечения лояльности. Герцог Медина Сидония, некоронованный король Севильи, в свое время поставил сто галер с припасами для королевской армии при осаде Малаги.

Эти и многие другие аристократы воевали так, словно, как минимум, заглядывали в «Трактат о достижении воинского триумфа» (*Tratado de la Perfection del Triunfo Militar*), написанный секретарем королевы Альфонсо де Паленсия, или в «Рыцарский катехизис» (*Doctrinal de los Caballeros*) покойного епископа Бургосского, Алонсо де Картахены.

Историки одно время любили описывать одежды, которые носились при этом воинственном дворе. И ранее как мужчины, так и женщины одевались так, чтобы производить впечатление. Например, английский рыцарь сэр Эдуард Вудвилл был одет в длинную кольчугу, поверх которой носил «французское сюрко из темного шелкового броката». Коней также часто наряжали в шелк, а мулы, на которых ехали дамы королевы, были, как мы читаем, «богато украшены». Королева по случаю носила парчовую юбку. Ее подруга, Фелипа де Португаль, носила платье настолько плотно расшитое, что оно защитило ее от кинжала убийцы при Малаге^[108]. Таким образом, война стимулировала торговлю и, как всегда, технологические нововведения. Капитаны Кастилии жили между этими двумя мирами.

Под началом этих капитанов служили люди из всех уголков Испании. Их можно было разделить приблизительно на восемь групп. Во-первых, это были муниципальное ополчение,

кавалерия и пехота – преимущественно кавалерия. Все регионы Испании, включая далекие Галисию и Бискайю, присылали своих людей. Во-вторых, здесь были три главных военных ордена, Сант-Яго, Алькантара и Калатрава, которые сыграли столь важную роль в прежних войнах с исламом. В этой войне с Гранадой они были мобилизованы в последний раз. Орден Сант-Яго снарядил около полутора тысяч рыцарей и примерно 5000 пехотинцев, другие два – чуть меньше^[109]. Они не всегда показывали себя хорошо – командующий ордена Сант-Яго, Алонсо де Карденас, в 1483 году возглавил атаку на Малагу из Антекеры, но заблудился в Сьерра де Ахарка и потерпел жестокое поражение, хотя свою жизнь спас. В-третьих, монархи имели королевскую гвардию в тысячу конных копейщиков. Ими командовал Гонсало Фернандес де Кордова, младший сын одной из знатнейших семей Кордовы. В юности он был пажом архиепископа Каррильо, постоянно сражался в войнах с Гранадой, начиная с Альгамы, был ранен в сражении при Сумии и особенно проявил себя в совсем не романтическом деле *tala* – уничтожении сельского хозяйства в *веге* Гранады. Он всегда считался «зерцалом рыцарства» – надменен со знатными, прост с солдатами, учтив при дворе, не терял самообладания при любых условиях, особенно в бою. Его владение арабским делало его хорошим переговорщиком, равно как и воином. Самый страшный для мавров кастильский военачальник, Фернандес де Кордова был Ахиллом без мрачного символа суетности этого эпического героя – его уязвимой пяты^[110].

При каждом из монархов Кастилии всегда находились по пятьдесят вооруженных арбалетами телохранителей, *monteros de Espinosa*, традиционно происходивших из живописного кастильского городка под этим же названием в очаровательной долине в южных предгорьях Кантабрийских гор. Их задачей было оберегать персону государя денно и ночью^[111].

В-четвертых, были отряды из эрмандад – полицейских сил, организованных в национальном масштабе в 1476 году. Во время войны они выделили 1500 копейщиков и пятьдесят стрелков, разделенных на отряды. Эти войска часто находились под командованием дворянина и обычно составляли гарнизоны захваченных городов.

Также нельзя не упомянуть армию слуг и рабов, которые обслуживали монархов и всех прочих выдающихся членов двора, включая клириков. Вероятно, на службе короля состояли одновременно около тысячи человек^[112]. Рабы были с Канарских островов, из пленных мусульман, захваченных в прежних войнах, а также чернокожие из Африки.

Члены испанского двора, испанская знать и торговцы, церковники и пекари всегда обычно держали по два раба, а особо знатные – намного больше. Например, у герцога Медина Сидония в 1492 году было девяносто пять рабов, многие из них были мусульманами, среди них около сорока чернокожих^[113]. В 1490 году в Испании насчитывалось примерно 100 000 рабов, основная часть – в Севилье. Некоторые рабы могли быть потомками рабов из Восточной Европы, которых продавали в Западной Европе в Средневековье, заменив старое латинское слово «сервус» на «слав»⁵.

Национальный состав испанских средневековых рабов был чрезвычайно разнообразен – среди них были черкесы, боснийцы, поляки, русские. Некоторые могли быть захвачены в сражениях с Гранадой и сами могли быть мусульманами. Остальных покупали на процветающих рынках западного Средиземноморья – возможно, в Барселоне или Валенсии, Генуе или Неаполе. Некоторые из рабов, мужчины и женщины, были захвачены на Канарских островах, даже на еще не завоеванном Тенерифе или уже покоренных Ла-Пальме или Гомере. Остальные, по большей части берберы, прибывали из маленьких североафриканских аванпостов – Сахары, находившейся на берегу почти в прямой видимости Канарских островов, или Лансарота. Немного чернокожих рабов могли быть куплены в Лисабоне у торговцев, которые в течение двух последних поколений торговали людьми, закупали их на западном побережье

⁵ Легенда о происхождении слова «sclav» (раб) от «slav» (славянин) не имеет исторического подтверждения и, очевидно, родилась в Австро-Венгрии во второй половине XIX века. (Прим. ред.)

Африки, где-то между Сенегалом и Конго, вероятно, в Гвинее. Многих продавали флорентийские и генуэзские торговцы – в Португалии или, через своих представителей, в Севилье.

Количество рабов не удивительно. Рабство в Средиземноморье никогда не отмирало со времен Античности и особенно процветало во время войн в Испании между христианами и мусульманами. Христиане обычно обращали в рабов своих мусульманских пленных – точно так же мусульмане поступали с пленными христианами, иногда отправляя их в Северную Африку на государственные работы, – а христиане использовали своих рабов-мусульман для строительных работ. Многих рабов использовали в домашнем хозяйстве, а остальные работали на сахарном производстве на островах в Атлантическом океане (Азорах, Мадейре или Канарах). Некоторые хозяева нанимали их за деньги.

Христианское право, как показывают средневековые «Семь партий» короля Альфонсо, как и мусульманское право, зафиксированное в Коране, тщательно определяет место раба в обществе. Иногда раб может владеть собственностью, иногда может выкупить себя. Иногда хозяева обращались с ними даже лучше, чем с наемными слугами. Хозяин обладал полной властью над рабом – за исключением того, что он не мог убить или покалечить его. Ни один еврей или мусульманин, живший в христианском королевстве, не имел права держать рабов-христиан. Заявление таких рабов не требовало доказательств, и никаких жалоб от хозяев не принималось. С рабами хозяева были обязаны обходиться гуманно. Но никто не считал, что рабство будет когда-либо отменено.

Да, рабство в конце концов стало экономически невыгодным в Северной Европе. Англичане, северные франки и фламандцы уже пришли к выводу, что по мере ослабления феодальных связей лучше оплачивать наемный труд. Но мусульманский мир и прежде всего Оттоманская империя абсолютно зависели от рабства, поэтому торговля рабами через Сахару все расширялась. Береговую торговлю обеспечивали португальцы^[114].

Корона Кастилии имела собственную феодальную систему, поскольку следующими среди бойцов под стенами Гранады были вассалы, которые получали земли или доходы в награду за службу. Около тысячи таких солдат уже получали ежедневное жалованье. К ним следует добавить некоторые войска королевского домена, как кавалерию, так и пехоту городов.

Многие знатные люди также приводили с собой значительные силы. Землевладельцев заботило, чтобы их люди не были встроены в национальную командную структуру. В то же время монархи часто давали таким людям особый ранг, чтобы поощрить их выставить войска. Так, герцог Альба получил звание главнокомандующего. Знать Кастилии без особого энтузиазма относилась к войне, но андалузцы были более преданы королям и часто приводили по несколько сотен человек.

Некоторых солдат привлекала в армию возможность загладить на службе престолу какие-то свои преступления. Петер Мартир де Ангиера, итальянский царедворец, писал архиепископу Миланскому:

«Кто бы мог поверить, что астурийцы, галисийцы, баски и жители Кантабрийских гор, люди, привыкшие творить деяния зверски жестокие и драться по любому поводу у себя дома, будут общаться дружески не только друг с другом, но также с толедцами и коварными андалузцами? Все они живут в гармоничном подчинении властям, как члены одной семьи, говорят на одном языке и подчиняются единой дисциплине»^[115].

Такие же мысли спустя поколение приходили в голову историку Гонсало Фернандесу де Овьедо в Панаме^[116]. Было необходимо выступить единым фронтом против врага, что объединило испанцев. Еще в XIII веке каталонцы сражались в битве при Лас-Навас-де-Толоса против мусульман под командованием кастильского короля.

И наконец, в испанской армии служили иностранцы. Разве это не был Крестовый поход? Один из таких, португальский капитан Франсишку де Алмейда, через пятнадцать лет станет вице-королем португальских владений в Индии. Можно объяснить его присутствие в войсках

тем, что двоюродный дед Изабеллы, Энрике Мореплаватель, прежде чем начал снаряжать экспедиции в Западную Африку, пожелал проявить инициативу в завоевании Гранады. Герцог Гандиа, сын кардинала Родриго Борджиа, также символически участвовал в войне в 1480-х. В войсках имелось некоторое число швейцарских наемников под командованием Гаспара де Фрея, а еще раньше в осаде Лохи участвовал сэр Эдуард Вудвил, брат английской королевы^[117], который привел с собой три сотни человек – некоторые были родом из этой северной страны, остальные из Шотландии, Ирландии, Бретани и Бургундии, вооруженные по большей части длинными луками и секирами. Было некоторое количество людей из Брюгге, один из них, Пьер Алимане, попал в плен и сбежал из Феса, похитив сердце мусульманской княжны. Генуэзские корабли, принадлежавшие Джулиано Гримальди и Паскуале Ломеллини, находившимся на службе Кастилии, охраняли Гибралтарский пролив.

Армия была разделена на части, называвшиеся *баталиями*. Авангардом, как правило, командовал великий магистр ордена Сант-Яго, арьергардом – либо коннетабль Кастилии (Педро Фернандес де Веласко), либо Диего Фернандес де Кордова, маршал королевских пажей и старший брат Гонсало, «великого капитана». Король должен был находиться прямо перед арьергардом, по флангам его должны были охранять два отряда солдат, набранных властями Севильи и Кордовы. За ним тянулись около тысяч телег артиллерийского обоза^[118].

Упоминание об артиллерии напоминает нам, что христиане вели эту войну как бы в двух мирах – рыцарском, с религиозным чувством братства, как в Средние века, вооруженные тяжелыми копьями, дротиками, алебардами и пиками, а также большими луками и арбалетами. Кастильцы имели в своем арсенале средневековые средства осады, такие как *bastidas* (осадные башни), которые позволяли осаждающим подниматься вровень со стенами; «королевские лестницы», на которых пехоту при помощи блоков поднимали на зубчатые стены; обтянутые кожей конструкции, позволявшие кастильцам приближаться к стенам на уровне земли, а также большие катапульты. Астурийские саперы прокапывали ходы под стены осажденных городов.

Но артиллерийский парк – это уже было из другой эры. В числе нового оружия были аркебузы, изобретенные около 1470 года, которые впервые обеспечили возможность использования порохового оружия одиночным солдатом^[119]. *Ломбарды*, или мортиры^[120], являлись даже еще более новаторским вооружением: это были пушки длиной в двенадцать футов, отлитые из бронзы или чугуна с толщиной стенок в два дюйма, стянутые железными кольцами; они метали каменные ядра по 140 штук в день. Иногда эти ядра достигали фута в диаметре и весили до 175 фунтов, или же они могли представлять собой шары, набитые воспламеняющейся смесью, перемешанной с порохом. Пали бы без применения артиллерии Ронда, Алькала эль Реаль?

Таким образом, война была современной, и успех в осаде обеспечивался артиллерией. Она помогла кастильцам захватывать город за городом, словно отколупывая один за другим зернышки граната – а ведь «Гранада» по-испански означает «гранат»^[121].

Некоторые из этих новых вооружений, как две сотни пушек, отлитых в большинстве своем в Эсике между Кордовой и Севильей, нуждались не только в порохе, но также в бургундцах, немцах и французах, чтобы их обслуживать. И все же Франсиско Рамирес, один из лучших солдат нового типа, нанесший огромный урон врагу при штурме Малаги, был родом из Мадрида, а пушечные ядра поставлялись из Сьерра-Морены, особенно из городка Константина.

Был еще один признак нового среди предводителей кастильско-арагонской армии – то, что так отличало мужчин и женщин двора Фердинанда и Изабеллы от их предшественников. Многие из них были начитанны, имели много книг, этих новых драгоценностей, которые впервые стали массово доступны в 1450 году благодаря Гуттенбергу в Германии, а потом, около 1470 года, благодаря печатникам Испании, в первую очередь Севильи, Валенсии и Сеговии – первый испанский печатный станок, как считается, был собран в Сеговии в 1471 году Ионом Париксом из Гейдельберга. Многие местные книгопечатники были немцами – результат растущей торговли с Германией, чья столица книгопечатания, Нюрнберг, особенно выделялась

из прочих, хотя Кастилия также импортировала немецкие металлические изделия, лен и фланель^[122].

До сих пор печаталось мало развлекательной литературы. Среди книг были научные публикации, вскоре в них появились гравюры, существовали издания классики. Можно было прочесть письма Цицерона друзьям, а также работы Овидия и Плиния. Имелась «География» Птолемея, «О Граде Божием» святого Августина, но скоро появятся и романы. Один из лучших среди них, «Тирант Белый» Жоанота Мартуреля, появился в 1490 году. Напечатан он был в Валенсии в количестве семисот экземпляров^[123]. Сервантес назовет его «лучшей книгой в мире», поскольку «рыцари в нем люди, а не куклы...». Это страстный роман, особенно его последние главы. Он также хорошо фиксирует смесь жестокости и рыцарственности в войнах того времени. Космополитический аспект отражается в появлении в книге сэра Энтони Вудвила (старшего брата Эдуарда) как «*senyor d'Escala Rompuda*», в то время как первая часть книги рассказывает о мусульманском вторжении в Англию, отраженном графом Уорвиком.

«Тирант Белый» стал одной из первых «рыцарских» историй, широкая популярность которых была характерна для нескольких следующих столетий. Чтение впервые стало не столько ученым ритуалом, сколько обыкновением, хотя книги до сих пор считались чем-то, что необходимо читать вслух. Длинный перечень невероятных подвигов рыцарственных героев в далеких странах создавал идеал, в котором сливались отвага, доблесть, сила и страсть^[124]. Королева Изабелла, насколько мы знаем, имела у себя в библиотеке книгу «Баллада о Мерлине и поисках Святого Грааля». Все это стало прологом к приключениям испанцев в Новом Свете.

Эти «рыцарские» романы рисовали мир, в котором границы государств были эфемерными. Приключения уносили читателей в «Великобританию» или в Константинополь, и в то же самое время в реальности множество иностранцев бывали при дворах обоих королей и их аристократов. Из Фландрии приезжали архитекторы – например Хуан де Гуас, который построил церковь Сан-Хуан-де-лос-Рейес в Толедо, францисканский монастырь, который являлся вершиной художественных достижений во времена Фердинанда и Изабеллы, а также дворец герцога Инфантадо в Гвадалахаре. Один испанский живописец, Михаэль Литтов, был эстонцем по рождению. Итальянские писатели, такие как Петер Мартир или Маринео Сиколо, давали уроки знати, а вскоре флорентийский скульптор Доменико Франчелли начнет работу над своими замечательными гробницами^[125].

Баллады и любовные истории также игнорировали государственные границы. И потому испанские рыцари считали Роланда и короля Франции своими героями, хотя их географические знания были несовершенны и столицу Франции они представляли себе стоящей на испанской реке:

Cata Francia, cata Paris la cuidad
Cata a las aguas del Duero, do van a dar en el mar!

Посмотри на Францию, посмотри на город Париж,
Посмотри на воды Дуэро, стремящиеся к морю.

Большинство советников монархов в 1491 году находились в Санта-Фе, поскольку там располагались и двор, и штаб-квартира. Среди присутствовавших были все опытные советники Изабеллы – Чаконь, Алонсо де Кинтанилья, Гутьерре де Карденас, Андрес де Кабрера, Беатрис де Бобадилья. При Фердинанде также была его свита – кроме мудрого казначея Арагона, Алонсо де Кабальерия, около шестнадцати «фердинандовских» секретарей^[126]. Первым по важности являлся секретарь по иностранным делам Мигель Перес де Альмаса. Также там был Хуан де Кабрера, мажордом короля и неразлучный его друг. Он спал в одной комнате с королем и был его ближайшим и доверенным человеком. Габриэль Санчес, личный казначей

Фердинанда, являлся *конверсо*, точно так же, как и Кабальерия. Хуан де Колумба, компетентный личный секретарь, служивший Фердинанду с 1469 года, был человеком деревенского происхождения, женившимся на внучке главного магистрата Арагона, Мартина Диаса дез Аукс. В Санта-Фе находился также Луис Сантанхель, который занимался доходами Эрмандады, тоже конверсо, хитроумный политик, который был связан родством и с Санчесом, и с Кабальерия.

Кроме этих опытных государственных деятелей закулисного кабинета, при дворе было много молодежи, имена некоторых из них известны только по подписям под королевскими документами, в то время как другие были людьми будущего, уже видевшими, как, тяжелым трудом заработав репутацию надежного человека, можно в конце концов достичь цели. Мы можем представить, как эти люди каждый день совместно ужинали, добивались взаимопонимания, поглощая турецкий горох, печенье, похлебку и крепленое вино – скажем, из Касалья-дела-Сьерра, что в Сьерра-Морене.

Эти гражданские служащие были порой клириками, иногда епископами, монахами или приорам, но зачастую это были люди образованные, *letrados*, которые лет за десять-двенадцать до того были многообещающими студентами-законниками в университете Саламанки. Некоторые были судьями. Таким типичным государственным служащим являлся Лоренсо Галиндес де Карвахаль, молодой уроженец Эстремадуры, который только-только начал свое впечатляющее восхождение в окружение монархов. Им постоянно приходилось жить в тесноте, размещаться кое-как, спать на голом полу или на жаре, так что в Санта-Фе они чувствовали себя уютно – хоть какой-то отдых от постоянных переездов.

Предки многих из этих людей быстро перешли из иудаизма в христианство сто лет назад, после жестоких погромов. Большинство из них – это касалось и торговцев, с которыми они были связаны либо родством, либо дружбой, – к 1490 году были убежденными христианами и забыли веру своих предков. Однако кое-кто по семейной традиции или по лености сохранил некоторые еврейские обычаи – например, обмывание покойника перед погребением, пристрастие к жареному в масле чесноку или поворачивание умершего к стене лицом. Еще меньшее число их были тайными иудеями, которые тайно соблюдали шаббат, тайком ели мясо по пятницам и даже хранили пьянящую надежду, что Мессия скоро явит себя – возможно, в Севилье, где королева во время своего долгого там пребывания в 1478 году заметила то, что она сочла постыдной литургической вялостью^[127]. Приор доминиканского монастыря, фрай Алонсо де Охеда, рассказывал ей, что многие конверсо в Севилье возвращаются к своей прежней иудейской вере и таким образом угрожают христианству. Его орден начал эффективную пропагандистскую кампанию против конверсо.

Потому испанские монархи в 1478 году обратились к папе Сиксту IV с просьбой учредить Святую палату, или инквизицию, дабы выкорчевать эту угрозу. Методы этого хорошо организованного следственного управления имели долгую историю в Средних веках. На самом деле этот орган, на практике достаточно бесполезный, был точно с такой же целью создан братом Изабеллы, королем Энрике. Так Испания сползла к принятию того, что оказалось откровенной несправедливостью и шагом назад в ее развитии.

Евреи составляли важное меньшинство в Испании еще с римских времен. В XIV веке многие из них играли ведущую роль в государственной администрации. В 1391 году по стране прокатились народные выступления против евреев, прежде всего в крупных городах. После этого тысячи евреев, примерно две трети от их числа, добровольно крестились, чтобы избежать преследований. Корона облегчила им принятие крещения. Многие из этих конверсо вошли в правительство или успешно служили церкви, а также доминировали в торговле. Один кастильский раввин, ученый ха-Леви, даже стал епископом Бургоса под именем Алонсо де Санта-Мария.

Конверсо процветали. Они выделялись среди тех, кто хотел внедрить в Испании итальянский гуманизм, – но оставались замкнутой сектой внутри общества и церкви, потому при-

влекали внимание, вызывали зависть, враждебность – как минимум после 1449 года, когда в Толедо вспыхивали выступления против «новых христиан», – там соперничество между старыми христианами и конверсо было весьма значительным^[128]. В других местах такая ненависть смешивалась и с традиционным соперничеством между двумя группами семейств. Особым случаем была ситуация в Кордове, где в 1473 году имели место мятеж и массовое убийство конверсо^[129]. Но конверсо все равно оставались епископами, королевскими секретарями, банкирами, менялами и приорами монастырей, а также сочетались брачными узами со знатью.

Было ли целью инквизиции найти способ выявления, кто среди конверсо истинный христианин, а кто ложный?^[130] Кажется очевидным, что принципиальное обвинение в тайной ереси считалось прерогативой исключительно монархов и должно было совершаться публично^[131]. Было ли целью инквизиции разрушение социума конверсо? Неужели двое правителей, традиционно известных как покровители евреев и конверсо, осознали, что если они будут *«продолжать защищать их, то это будет им стоить слишком дорого в смысле отношений с большинством подданных, и что наличие иудеев, несмотря на все преимущество, было скорее долгом, чем вкладом?»*^[132] Первый историк инквизиции, домарксов марксист Льоренте, полагал, что мотивы к учреждению инквизиции были скорее финансовыми, в то время как великий немецкий историк фон Ранке считал, что это была очередная мера по обеспечению абсолютной власти монархов. Испанский медиевист Менендес Пелайо считал, что целью было искоренение ереси, которая действительно угрожала христианству, в то время как деятельный Америкго Кастро писал, что инквизиция была типично иудейской идеей, лежащей вне испанских традиций, на самом деле изобретенной конверсо для самозащиты.

Хотела ли Корона учредить Святую палату, чтобы подавить растущее народное движение против конверсо? Дело в том, что многие старые христиане думали, что значительная часть, если не все конверсо и их потомки, являются тайными иудеями или, по крайней мере, склонны возвращаться к иудейским обычаям из-за чрезмерной терпимости церкви. Конечно же, многие евреи в дни преследований в конце XIV века крестились из страха. Раввины же считали, что все евреи, силой обращенные в Христову веру, должны считаться иудеями, как и их дети.

Какими бы ни были мотивы королей, папа Сикст IV издал буллу (*Exigit Sincere Devotion*), учреждавшую инквизицию. В 1480 году в Севилье были назначены два инквизитора, оба доминиканцы. Они руководствовались средневековыми текстами, которые ранее использовались против, к примеру, катаров. Они живо принялись за дело, организовав свою штаб-квартиру и тюрьму в замке Сан-Хорхе в Триане, прямо напротив Севильи через реку Гвадалквивир. Расследования велись втайне, обвиняемых могли держать в тюрьме месяцами, даже годами, пока подготавливалось обвинение. Обвиняемые имели право на защитников – но таковых избирали среди самих инквизиторов. Обнаруженных тайных иудеев отправляли на костер («предавали в руки светской власти», как это обычно называлось) перед стенами города после церемонии публичного отречения на аутодафе. Те, кто успел вовремя скрыться, тоже предавались сожжению – в виде их изображений. Других, очищенных (*reconciliado*), заставляли босиком идти по улицам в знаменитых «санбенито» – ризах и островерхих колпаках. Бывали и другие наказания – домашний арест, обязательное посещение мессы по определенным дням.

Многие конверсо и правда покинули Севилью, некоторые прибыли в Рим, где им помог Сикст IV, который даже написал Фердинанду и Изабелле о чрезмерном усердии инквизиции. Он также аннулировал приговоры против тех конверсо, которые могли доказать свои утверждения о том, что они верные христиане.

В то же время инквизиция была учреждена практически во всех больших городах Кастилии. Учреждение Святой палаты в Арагоне прошло гораздо труднее, поскольку пришлось ликвидировать некоторые уже существующие учреждения, созданные для той же цели. Особенно неприязненно встречалась идея, что в этом должны играть ведущую роль кастильские инквизиторы. Протесты шли как со стороны традиционалистов, так и от «новых христиан», и утвер-

ждение, что убийство инквизитора Педро Арбуэса в 1485 году в соборе Сарагосы, вызвавшее скандал среди христиан Арагона, было делом рук последних, имеет под собой основания.

Число тех, кто погиб из-за доносов инквизиции, сопровождавшимися тайными судами и тюремным заключением, а затем «передачей виновного светским властям», к году осады Гранады составило две тысячи человек^[133]. Большинство из тех обвиненных, которые сумели доказать свою невиновность, так никогда и не получили назад своего имущества, конфискованного в начале расследования. Инквизиция действовала против конверсо, а не против иудеев – но, конечно, между ними была связь, как показали дальнейшие события.

В Санта-Фе находилось много известных евреев, как и конверсо, – например Авраам Сеньор, финансист, занимавший множество официальных постов, Исаак Абраванель, знаменитый сборщик налогов, бежавший из Португалии после обвинения в заговоре в 1485 году^[134]. Также там был медик королевы, Лоренсо Бадос, и медик короля – Давид Абенкайя из Итар-реги^[135].

В то время церковь Испании могла гордиться сорока восемью епископами^[136], из которых многие часто бывали при дворе, в том числе и в Санта-Фе. Многие по служебному положению обладали огромными состояниями, особенно архиепископ Толедский, и все они были освобождены от налогов. Десять кастильских кафедр, включая примасскую епархию в Толедо, контролировали тридцать городов и имели более 2300 вассалов^[137]. Этих епископов возглавлял Мендоса, кардинал и архиепископ, но остальные были не менее воинственны и активны. В прошлом правило было таково: если в Риме умирал епископ, в его епархию назначал преемника папа. В остальных случаях кандидата предлагало епархиальное собрание (*cabildo*), хотя ему приходилось рассматривать любое предложение, выдвигаемое монархами, – и теперь их пожелания постепенно начинали становиться решающими.

Также под стенами Гранады присутствовали представители религиозных орденов: в качестве созерцателей – бенедиктинцы и иеронимиты, в качестве активно действующих – доминиканцы и францисканцы. Среди последних позднее возникло течение, известное как «обсерванты», которые искали большей духовной жизни. Из всех них иеронимиты, чей орден насчитывал всего сто лет и имел изумительную штаб-квартиру в Гуадалупе, занимали особое место в сердце королевы^[138].

В Санта-Фе присутствовали также младшие члены королевской фамилии – в первую очередь дон Хуан, тринадцатилетний наследник престола, гордость и надежда монархов. При нем был и его двор – необычная смесь зрелых советников, товарищей по играм и собратьев по учебе – в письме, арифметике, геометрии и латыни. Двор инфанта Хуана в Альмасане на границе Арагона и Кастилии позже станет блестящим собранием людей, и некоторые из них (Николас де Овандо, Кристоаль де Куэльяр, Гонсало Фернандес де Овьедо) позже займут важные посты в будущей Испанской империи^[139].

Также перед осадой Гранады среди кастильцев присутствовали и аристократы, по большей части богатые герцоги и графы, чей род насчитывал не так много поколений, поскольку большая часть родовитой старой знати, как и в Англии, оказалась выбита в гражданских войнах позднего Средневековья^[140]. Могущественный главный министр Хуана II, Альваро де Луна, который практически правил Испанией с 1420 по 1453 год, создал новую знать, начавшуюся в 1438 году с графа Альба де Тормес, предка семейства Альба. Эти новые титулы были наследными и теперь давались людям, которые не принадлежали к королевской семье. пожалование наследного титула – «тебе и твоим потомкам до скончания времен» – также давало представителю новой знати постоянные права на земли, от которых он получал имя. Так, пожалование наследного маркизата Сантьяна (в 1445 году) закрепило за семейством Мендоса город и земли Сантьяны в Кантабрии. В Санта-Фе аристократов было легко узнать, поскольку они обычно носили золотые или серебряные шпоры и блестящие доспехи.

Современный историк писал, что испанская знать к концу XV столетия представляла собой большую семью, возглавляемую королем^[141]. Вернее будет сказать, что эта большая семья, состоявшая из примерно двадцати ветвей, возглавлялась Мендосами, старшим из которых был герцог Инфантадо. Но даже этот титул насчитывал не более двадцати лет, в то время как титул герцогов Медина-Сидония отсчитывал свой возраст с 1444, Альбы (как герцогов) – только с 1472, а Нахэра – с 1482 года. Герцог Медина-Сидона принадлежал к королевской крови, но герцогский титул его был получен только в 1479 году.

Все эти люди находились в Санта-Фе, поскольку по древнему обычаю были обязаны помогать монарху в трудный час. В Средние века короли жаловали земли знати, чтобы они в ответ высылали королю людей для войны, а мелким дворянам – за службу. В 1491 году крупная знать по-прежнему должна была присылать королю людей для войны. Они также ожидали наград за службу, особенно в виде земель. Право знати на обладание землями гарантировалось королевским пожалованием с ограничением права распоряжения собственностью (*mayorazgo*), по которому владения не могли разделяться, но глава семьи был обязан заботиться о младших братьях и их наследниках, равно как обеспечивать сестер приданым. Такие семьи, как правило, держали собственный двор, при котором бывали поэты и ученые, библиотекари и музыканты.

Кроме аристократов, в войске присутствовали рыцари, некоторые из них владели титулами, что давало им статус, но вряд ли могло обеспечить существование. Амбициозный рыцарь, таким образом, мог начать карьеру при дворе в качестве, к примеру, *continuo*, придворного на посылках, одного из примерно сотни, и получать в год несколько тысяч мараведи. Либо он мог прибиться ко двору аристократа, где доходы были поменьше. На войне такие рыцари, как правило, объединялись в отряды по 150–350 человек, они могли быть так называемыми вооруженными рыцарями (*caballeros armados*) или просто оруженосцами (*escuderos*).

Еще одним классом придворных были идалго. Бедные дворяне, умевшие сражаться, обычно преданные своим патронам не меньше, чем королю, некоторые сведущие в управлении, зачастую весьма изобретательные (*ingenioso*) и отважные. *Hidalgismo*, как нам рассказывают, «это и принадлежность к сословию, и образ мышления; но недостаточно просто быть отважным – необходимо и демонстрировать это»^[142]. Демонстрация дерзкой отваги, такой, как подвиг Эрнана де Пулгара перед мечетью Гранады, была поступком истинного идалго.

Стремление к славе в Испании не было еще таким, как в Италии. Мало кто из испанцев читал Плутарха, Светония или Петрарку. Но уже несколько сотен лет существовал культ баллад, написанных на кастильском, в которых прославлялись исторические герои, – такие, как Цезарь, Александр и Карл Великий, причем так, словно они были современниками. Хорошо образованные люди привыкли украшать свои разговоры аллюзиями на античность.

Война не всегда была рыцарственной – мусульмане часто смазывали наконечники стрел ядом аконита или волчьего лыка, растущих в Сьерра-Неваде. Когда мусульманский фанатик Ибрахим аль-Джарби из Туниса напал на Альваро де Португалия и его супругу при осаде Малаги, считая, что это Фердинанд и Изабелла, его сначала растерзали, а затем останки были заброшены в город катапультной. Там его тело сшили снова шелковой нитью и похоронили с честью, а затем казнили пленного христианина, труп которого посадили на осла и выпустили в лагерь христиан^[143].

И наконец, не в последнюю очередь, война была дорогим делом. Общая ее стоимость составляла примерно 800 миллионов мараведи, которые добывались многими способами. Это привело, среди прочего, к специальному налогу на еврейскую общину Испании, который дал не менее 50 миллионов мараведи^[144].

Двор Фердинанда и Изабеллы, как и прочие дворы в Санта-Фе или в Сантьяго-де-Компостела, наводняли и искатели удачи. Некоторые из них были учеными с кое-какой известностью, некоторые практически попрошайками, но все жаждали хотя бы кивка, хотя бы улыбки

какого-нибудь секретаря. Были и такие, кто надеялся заработать хотя бы на тарелку гороха, играя на виуэле.

Среди них был и высокий, решительный, рано поседевший человек – когда-то его волосы были рыжими, – голубоглазый, с орлиным профилем и высокими скулами, часто красневшими, и с длинным лицом. Всем, кто пожелал бы его выслушать, он рассказывал удивительные вещи о географии. Он пробыл при дворе почти пять лет и был поражен тем, что люди не желали его слушать. Но чего он ожидал сейчас, когда война близилась к концу? Казалось, что у него нет ни чувства меры, ни юмора, и он никогда не подшучивал над собой. Он был благочестив и по воскресеньям только молился. Действительно, с учетом его постов, молитв и вечных тирад против богохульства он мог бы показаться членом религиозного ордена. Но все же он был учтив и дружелюбен. Его излюбленной клятвой было «во имя святого Фернандо», а единственным ругательством – «чтоб тебя Господь забрал». Он бегло говорил по-испански, но с неопределенным акцентом. Он никогда определенно не рассказывал, откуда он родом, но большинство считали его генуэзцем. Он бывал в Гвинее и на островах Зеленого Мыса⁶ и потому знал об ошеломляющих открытиях лисабонских мореходов на западном побережье Африки со дней Энрике Мореплавателя.

О нем также говорили, что он торговал сахаром на Канарских островах, будучи представителем флорентийских купцов. У него были могущественные друзья – его любил герцог Мединасели, и даже великий кардинал Мендоса время от времени интересовался им. При дворе он смотрелся экзотической фигурой, потому что, несмотря на все его международные связи, нравы там царили местные. В 1488 году Петер Мартир написал, что Испания осталась дальней комнатой обширного дворца, в котором Италия – гостиная, центр мира^[145].

Этот человек был давно уже всем знаком, поскольку долго ждал знака королевской милости. Но эта узнаваемость заставляла и уважать его. Он искал поддержки Короны для путешествия на запад, через то, что он называл «океаном». Этого человека звали Колумб^[146].

⁶ Ниже автор именует их то по-английски, то по-испански, причем создается впечатление, что слово «мыса» он периодически опускает – поэтому не всегда понятно, имеются в виду острова или сам полуостров Кабо-Верде, Зеленый Мыс. (Прим. ред.)

Книга вторая Колумб

Глава 4 «Под силу только государям»

*Такое предприятие под силу только государям.
Королева Изабелла – герцогу Мединасели, 1491 год^[147]*

Колумб был гражданином Генуи. Этот порт казался настоящим центром мира:

Столь многочисленны генуэзцы
И столь твердою стопой ступают они везде,
Они идут туда, куда желают,
И воссоздают там свой город^[148].

Генуэзские купцы доминировали в средиземноморской торговле. Папа Иннокентий VIII был генуэзцем, урожденным Джованни Батиста Чибо, выходцем из семьи, прославившейся морскими перевозками зерна из Туниса в Европу. Один из Чибо в XIV столетии был губернатором Хиоса. Джованни Батиста Чибо являлся ставленником сурового кардинала Каландрини, сводного брата папы Николая V, основателя Ватиканской библиотеки, происходившего из чудесного пограничного генуэзского городка Сардзаны. После того как еще один генуэзец, Франческо делла Ровере, был избран папой под именем Сикста IV, Чибо без особых усилий стал первым кандидатом на престол святого Петра в 1484 году.

Но на этом почетном месте он оказался довольно никчемным – историк Гвиччардини пишет, что в делах улучшения благосостояния населения Чибо был совершенно бесполезен^[149]. Должность наместника бога на земле, каким считали его все христиане, как короли, так и батраки, архиепископы, священники и монахи, нашла в лице Чибо недостойного представителя. Однако, к его чести, следует сказать, что он построил красивый двойной фонтан на площади Святого Петра, а также раку для священного копья Лонгина. Также, по крайней мере, говорили, что после разговора с ним никто не уходил неутешенным^[150].

Римские аристократы называли папу Иннокентия VIII «генуэзским моряком». Это было оскорблением в Вечном Городе, но мало где еще. Быть может, генуэзцев и недолюбливали, но уважали. В романе «Тирант Белый» мы читаем, как героя умоляют «разогнать этих коварных генуэзцев, ибо чем более жестокой будет их смерть, тем славнее будет твое имя»^[151]. Петрарка, в то время бывший центром внимания, считал Геную «истинно царственным градом»^[152].

Святой Фердинанд выделил генуэзцам особый квартал в Севилье с собственной часовней, причалом и публичными банями. Генуэзская фамилия Чентурионе (Сентурион по-испански) считалась самой важной купеческой семьей Малаги и до, и после ее завоевания христианами. Малага считалась северным центром африканской золотой торговли. Другой Сентурион скупал сахар на Мадейре, а его брат торговал шелком в Гранаде. Дория продавали оливковое масло из долины Гвадалквивира, а Франческо Пинелли из Генуи (для испанцев – Пиньело) был среди тех, кто финансировал завоевание Гран-Канарии, где он построил первый сахарный завод. Он также стал вторым казначеем Священной Эрмандады, зародыша кастильской национальной полиции. Вместе с Луисом Сантанхелем, Франческо Риппароло (по-испански – Рибе-

роль) он торговал красящими веществами, особенно орселем⁷, на Канарах. Потом он торговал мылом в Севилье, получив впоследствии ценную монополию на него.

Генуэзские Гримальди были заинтересованы в пшенице, в то время как их близкие родственники, Кастильоне, торговали шерстью. Среди других генуэзских торговых семей, которые пользовались возможностями Испании, были Вивальди, из которых двое братьев в 1291 году отправились в Атлантику в поисках «океанских путей в Индию» (и больше о них никто ничего не слышал), а также большая фамилия Форнари (Форне), которая продавала рабов на Хиос. Генуэзец Ланцаротто Малочелло около 1330 года открыл (или заново открыл) Канарские острова и водрузил кастильский флаг на острове Лансароте, названном в его честь. Еще один генуэзец, Антонио Узодимаре, из купеческой семьи на португальской службе, первым из европейцев поднялся по рекам Сенегал и Гамбия. Другой уроженец Генуи, Антонио Ноли, впервые от имени Португалии заложил действующее поселение на Островах Зеленого Мыса. Португальский флот был основан генуэзцем, и командовали им его потомки, в течение нескольких поколений носившие титул адмирала.

Генуэзские предприниматели также первыми начали выращивать сахарный тростник в Алгарве. Ломеллини контролировали португальскую торговлю золотом и доминировали не только в торговле сардинской солью и серебром, но и мастикой с Хиоса^[153]. Генуэзцы преобладали в торговле Сеуты после захвата ее Португалией в 1415 году, и большая часть золота, доставляемого из Черной Африки караванами, оставалась здесь^[154]. Власть над островами Атлантического океана по договору делили между собой короли Кастилии и Португалии: Мадейра, Азорские острова и Острова Зеленого Мыса принадлежали Португалии, Канарские – Испании, но генуэзцев можно было встретить на всех островах, какой бы над ними ни развевался флаг – испанский или португальский.

Генуэзцы специализировались на работоторговле. В отличие от португальцев, чьи капитаны обычно по необходимости хотя бы делали какие-то телодвижения в сторону обращения пленных в христианство, генуэзцы об этом даже не задумывались. Генуэзцы захватывали в рабство и продавали людей в Крыму и на Хиосе, в Тунисе и Сеуте, в Малаге и Гранаде, продавали мужчин, женщин, детей, черкесов и эфиопов, славян и боснийцев, берберов и чернокожих африканцев, уроженцев Канарских островов и греков – все находили сбыт^[155].

Эти семьи в своем родном городе держали дома – их палаццо до сих пор можно там увидеть. Некоторые из них, как палаццо Дория, триумфально возвышаются над руинами XII столетия, другие, как палаццо Чентуриони, едва различимы среди разрушающихся домов возле порта. Эти роскошные здания часто были полны сокровищ, которые стало возможным добыть в ходе испанских авантур, в которых генуэзцы переиграли своих соперников-каталонцев, хотя сама Генуя не была имперским городом, как Венеция. Генуэзские купцы всегда действовали сами по себе, не принимая во внимание интересов республики. То, что они сыграли такую роль в европейских предприятиях в Атлантике, не было общим или государственным решением. Это был результат трезвого расчета финансовых преимуществ, который сделали примерно пятьдесят семейств или компаний^[156].

Генуэзцы были не единственными итальянцами, поселившимися на юге Испании и Португалии. К примеру, Бартоломео Маркьонни, флорентинец, был самым крупным работоторговцем в Лисабоне. Он настолько успешно торговал черными рабами, что считался почетным португальцем. Среди его партнеров в Севилье были Джуанотто Берарди и Америго Веспуччи, тоже флорентинцы, торговавшие не только перекупленными в Лисабоне чернокожими рабами, но и туземцами с Канарских островов. Венецианец Альвизе Ка да Мосто открыл для португальского короля Острова Зеленого Мыса в 1450-х годах.

⁷ Фиолетово-красный краситель, лакмус. (Прим. перев.)

В эти дни Рим еще не был представлен в Испании постоянным нунцием. Но многие деятели церкви приезжали и уезжали, в то время как другие итальянцы выполняли функции послов в отсутствие постоянного представителя даже в испанском лагере в Санта-Фе под стенами Гранады. Среди таких был Петер Мартир де Ангиера – блестяще образованный человек, родившийся в деревне на Лаго Маджоре. Он приехал в Испанию с герцогом Тендилей, бывшим послом в Риме. Мартира просили заняться образованием сыновей испанской знати. Он писал живые письма на грубой латыни своим итальянским благодетелям, таким как кардинал Асканио Сфорца – брат Людовико Моро, хитрого миланского герцога, и следующим за ним папам. Гуманист, капеллан и профессор лингвистики с Сицилии, Луцио Маринео Сиколо, также был при испанском дворе. Его побудил туда приехать Фадрике Энрикес, сын адмирала Кастилии^[157]. Итальянские художники, такие как Никола Пизано, занимались реставрацией вида и цвета севильских азулехо, в то время как Доменико Фанчелли, вдохновленный скульптор из Флоренции, вскоре будет работать в Испании во многих церквях.

Но этот обмен был не однонаправленным – кастильцев можно было найти в Болонье и других итальянских университетах, в то время как каталонские консулы имелись в городах королевства Неаполитанского, а также в Венеции, Флоренции, Пизе и Генуе. Лоренсо Вакес из Сеговии, «испанский Брунеллески», обучавшийся на архитектора в Риме и Болонье, в 1490-х перестроил Колехио де Санта-Крус в Вальядолиде, а также работал над дворцом герцога Мединасели в Когольюдо близ Гвадалахары, как и над новой архиепископской резиденцией кардинала Мендосы в этом же городе^[158].

Эти люди осуществляли связь Испании с центром культуры Европы. Еще не настало время, когда, благодаря книгопечатанию, почитаемый всеми флорентинец Петрарка будет задавать сюжеты и даже рифмы большинства испанских поэм. Однако самые амбициозные писатели Испании в 1490-х уже ухитрились проводить время в Италии, как это будут делать просвещенные англичане в XVIII веке. Вскоре Фердинанд и Изабелла пошлют туда в поддержку своих претензий на Неаполь армии под предводительством лучшего из своих полководцев – Гонсало Фернандеса де Кордова (*Эль Гран Капитана*). Он в мягкой форме будет осуществлять девиз: «*Espana, las armas! Italia, la pluma!*»^[159]

Испания ценила Италию отнюдь не за литературу. Когда королеве Изабелле в Севилье преподнесли роскошный плащ для ее любимой Богоматери, она запросила капюшон из тонкой парчи от своего любимого портного из Венеции, Франческо дель Неро^[160].

Несмотря на роль Венеции, Флоренции и Рима в Испании времен Фердинанда и Изабеллы, считалось вполне нормальным, что папа по обеим линиям был генуэзцем. Также нормально было и то, что вечный проситель при испанском дворе, седовласый Кристофоро Колумбо, или Кристобаль Колон, если называть его по-испански, тоже родился в Генуе.

Колумб, как его называют в англоязычном мире, был немного не в своей тарелке среди вышеуказанных великих генуэзских торговцев. Но ему было бы не по себе в любом окружении. Именно потому некоторые пытаются приписать ему галисийское, еврейское или майоркское происхождение^[161]. Один писатель считал, что Колумб говорил по-кастильски, поскольку хотя его «полуеврейская семья» (как утверждает автор) эмигрировала из Галисии после 1391 года, в ней всегда называли Кастилию родным домом. Но Генуя была не слишком гостеприимна для евреев, так что все это можно считать небылицами. Колумб часто выказывал враждебность как к евреям, так и к конверсо – и в разговорах, и в письмах^[162], но это ничего не доказывает, поскольку зачастую самыми одиозными антисемитами являлись именно конверсо. Но он в любом случае был убежденным христианином, который предпочитал не работать по воскресеньям^[163].

Сам Колумб упоминал, что он родом из Генуи, когда пытался добиться феодального владения (*mayorazgo*) в Испании для своей семьи в 1497 году. Он также говорил, что всегда хотел иметь дом в Генуе^[164]. В добавлении к своему завещанию, написанному незадолго до смерти,

в 1506 году, он упоминал только генуэзских друзей – кроме «того еврея, который охраняет ворота еврейского квартала в Лисабоне»^[165].

Тайна, которой окружил Колумб свое происхождение, может быть объяснена тем, что он его стыдился. Его отец, Доменико Коломбо из Моконези в долине Фонтанабуона, выше Генуи, был всего лишь ткачом, как и его мать, Сюзанна Фонтанаросса. Доменико позже, видимо, стал землевладельцем и хозяином харчевни в Савоне в тридцати пяти милях к западу от Генуи – там, где родился папа Сикст IV. Но это не слишком помогало подниматься по социальной лестнице. Колумб и позже никогда не рассказывал ни о своих родителях, ни о сестре Бьянчинетте, которая вышла замуж за торговца сыром, ни о брате Джованни Пелегрино, который остался дома. Однако два других брата, Бартоломео и Диего, постоянно были вместе с ним в Испании и Новом Свете, как и два его племянника. Колумб однажды сказал, что он «не был первым адмиралом» в их семье. Возможно, он ссылаясь на родственников своей жены.

Как уже говорилось выше, его акцент и манера речи привлекали внимание. Лас Касас, который был с ним знаком, считал, что он говорит так, будто его родным языком был не кастильский^[166]. Колумб употреблял немало португальских слов, что считали признаком того, что он выучил испанский, когда жил в Лисабоне в промежутке между 1475 и 1485 годами. Он никогда не писал писем по-итальянски – вероятно, потому, что знал только генуэзский диалект, на котором писали очень редко.

Раннюю жизнь Колумба можно восстановить по его собственным позднейшим заметкам, а также по воспоминаниям его сына Фернандо, который написал его биографию, весьма достойную похвалы. Так, в 1501 году он рассказывал королеве и королю, что рано вышел в море^[167]. Фернандо Колон (так мы будем его называть, поскольку он-то уже был совершенным испанцем) говорил, что его отец учился в университете Павии^[168]. Лас Касас также говорил, что Колумб изучал латынь и основы грамоты, особенно грамматики, в Павии^[169]. Но историк отец Андрес Бернальдес, у которого Колумб некоторое время гостил в его доме близ Севильи, говорил, что Колумб был «человеком великого разума, но не слишком образованным»^[170]. Так что его пребывание в Павии сомнительно.

Первый морской поход Колумба имел место в 1472 году, когда ему был двадцать один год. Видимо, он был простым моряком на корабле, принадлежавшем Паоло ди Негро и Николозо де Спиноле, которые оба происходили из известных генуэзских семей. Предположительно, они ходили в арагонские владения в Тунисе, где были очень сильны позиции семейства Чибо, и захватили корабль, принадлежавший купцам из Барселоны. Позже Колумб отправился на борту «Роксаны», корабля, которым владел тот же самый Паоло ди Негро, в генуэзскую колонию на Хиосе близ Смирны в Эгейском море – в порт на острове, через который шла не только торговля рабами, но и сахаром, а также мастикой (смолой, из которой варили лак).

Впервые в Лисабоне он, видимо, побывал в 1476 году, когда потерпел крушение после морского сражения, предположительно, с кастильцами, будучи на борту «Бекаллы» – корабля, принадлежавшего другому генуэзцу, Людовико Чентурионе. Затем в 1477 году Колумб ходил в Ирландию и, вероятно, в Исландию на другом корабле Паоло ди Негро и Спинолы – и снова, видимо, простым моряком^[171].

На следующий год Чентурионе предложил Колумбу поработать на него, торгуя сахаром на Мадейре, – «земле, где растет множество тростника», как описывал ее венецианец Альвизе Кадамосто около 1460 года. Видимо, так Колумб и поступил, таким образом познакомившись с колониальным хозяйством, где на плантациях использовался труд чернокожих рабов, а также порабощенных канарских туземцев (первый сахарный завод на Мадейре был построен в 1452-м).

Колумб изучил хитрое переплетение каналов и туннелей, одни из которых были построены из камней, скрепленных известковым раствором, а другие вырезаны в скале. Они назывались «levadas» и подводили воду к участкам земли на террасах. Большая часть сахара, достав-

ляемого Колумбом, шла в Нидерланды, где часто обменивалась на роскошные одежды. Но как и где он производил такую торговлю? Имеющиеся записи об этом молчат. Прежде чем отправиться на Мадейру (предположительно в 1477 году), Колумб женился на Фелипе Палестрелло (Перештрелу по-португальски) – сестре наследного губернатора Порту-Санту, самого маленького из двух островов архипелага Мадейры, который был колонизован первым.

Отец Фелипы, Бартоломео, уже покойный к тому времени, приехал из Пьяченцы в Северной Италии. Мать Фелипы, Изабель Муньис, вела свой род от капитана, который в 1147 году помог отбить Сан-Жорже у мавров. Один район Лисабона до сих пор зовется Пуэрта де Мартин Муньис. Отец Изабель, Жиль Айрес Муньис, имел немалую собственность в Алгарве и участвовал в португальской экспедиции и успешной осаде города Сеута в 1420 году. Так что Колумб породнился с семьей, у которой были очень хорошие связи.

После падения Сеуты португальцы половину столетия развивали замечательную морскую активность. Колумб понимал это еще до того, как прибыл в Лисабон, – хотя бы потому, что в ней играли большую роль генуэзцы. Экспансию Португалии поощрял принц Энрике Мореплаватель, брат короля Жоана, один из командующих португальскими войсками при Сеуте^[172]. Его первым предприятием была оккупация прежде незаселенных островов Мадейра, начавшаяся в 1425 году (острова были так названы по их лесам с промышленной древесиной, *madeira* по-португальски означает «дерево»), и примерно в 1431 году – Азорских (слово это означает «ястреб»). Обе эти группы островов были колонизированы португальцами, но в колонизации принимали участие также фламандцы и итальянцы. С обоих архипелагов поставлялись воск, мед и красители, «драконья кровь», получаемая из смолы драконового дерева, а также лишайник орсель, который пользовался большим спросом как источник фиолетового красителя.

На Колумба наверняка произвело впечатление, насколько далеко в океане находятся оба этих архипелага – на расстоянии тысячи и шестисот миль от Лисабона соответственно. Остров Порту-Санту, находившийся на расстоянии двадцати восьми миль от главного острова, из обеих Мадейр было освоить легче всего. Его было легко колонизировать, поскольку он был безлесным, плоским, а море вокруг кишело рыбой. Гористый основной остров Мадейры был покрыт лесом до тех пор, пока грандиозный пожар не уничтожил большую его часть.

Также Энрике посылал экспедиции к побережью Западной Африки. Его целью было найти морской путь к источникам африканского золота у истоков рек Нигер и Вольта. В 1434 году один из его капитанов, Жиль Эаннес, обошел мыс Боядор, который прежде считался непреодолимым (хотя один из французских завоевателей Канарских островов, вероятно, обходил его и раньше). Считалось (вероятно, благодаря мусульманам, которые пытались отвадить первопроходцев), что моряки, обойдя мыс Боядор, чернеют, а любой корабль здесь сгорает от жары.

В течение нескольких следующих лет португальские капитаны посетили большую часть земель Западной Африки: Мавританию, реку Сенегал, реку Гамбия, Острова Зеленого Мыса (в 1455 году), Перечный Берег, Берег Слоновой Кости, Золотой Берег, Невольничий Берег, затем королевство Бенин, устье Нигера и Камерун – все это было открыто еще до прибытия Колумба в Лисабон.

Второй повод для африканских путешествий был стратегическим и, одновременно, религиозным – португальские короли, будучи верными воинами Христовыми, искали способ ударить по мусульманам с тыла.

К 1470 году важной частью этих походов стал поиск черных рабов. Лисабон стал центром торговли живым товаром и дальнейшей поставки рабов на средиземноморские рынки – как в христианских, так и в исламских странах. Опять же, в этом деле участвовали итальянцы – например генуэзец Лука Кассано, который был работоторговцем в Терсейре на Азорских островах, венецианец Альвизе Ка да Мосто, который покупал черных рабов на реке Гамбия. Семей-

ство Ломеллини продолжало свою широкую банковскую деятельность в Лисабоне. Флорентинец Маркьони из семейства, известного работоторговлей в генуэзском Крыму, в 1470-м начал укреплять свои позиции как работоторговец в тамошней столице.

Эти португальские путешествия в глазах истории не столь важны, как плавание Колумба. Но как заметил один голландский путешественник XVIII века, португальцы «спустили свору на добычу» в эру европейской экспансии^[173]. Их путешествия начали эпоху открытий, главным героем которой стал Колумб. Они обладали потрясающей дерзостью и жадой нового – что удивительно для маленькой нации, которая прежде никогда не оставляла заметного следа в истории.

Некоторое время Колумб и его жена Фелипа жили в Лисабоне, в доме ее матери Изабель Муньис. Они плавали также в Порту-Санту и Фуншал на Мадейре. Когда в Фуншале Фелипа умерла родами, дав жизнь их сыну Диего, Колумб вернулся в Лисабон и работал то как книготорговец, то как картограф. Его преданный брат, Бартоломео, приехал к нему из Генуи. Позже Колумб должен был встречаться с моряками и торговцами, которые знали Океан, – как тогда называли Атлантику, поскольку даже самые образованные люди того времени верили, следуя грекам, что это – та самая масса воды, что окружает единый массив суши.

В то время ходило много историй о плавании на запад в поисках других островов Атлантики – например Антилии и Бразила, или островов святой Урсулы или святого Брендана. Море казалось полным магии, невероятных возможностей, в то время как идея антиподов исчезла после публикации в 1469 году в Испании «Географии» грека Страбона. Этот географ I века говорил даже о возможности напрямую проплыть из Испании до Индии^[174].

Между 1430 и 1490 годами португальцы совершили более десяти плаваний на запад. Возможно, некоторые из этих мореплавателей слышали о средневековой норвежской экспедиции в Гренландию, Винланд и Северную Америку. В конце концов, последний гренландец норвежского происхождения умер только в пятнадцатом столетии^[175].

То, что земля круглая, было понятно уже в течение нескольких поколений. Греческие географы из Милета еще за пятьсот лет до Рождества Христова считали, что Земля имеет форму шара. Этот взгляд отстаивал и геометр Пифагор. Хотя многое из знаний греков было утеряно, католическая церковь приняла эту гипотезу примерно в 700 году нашей эры, и в XV веке со «сферичностью» планет все в целом соглашались. Только горстка невежд продолжала утверждать, что земля плоская.

Колумб вместе с португальской экспедицией прошел вдоль берегов Западной Африки вплоть до крепости Эль-Мина на Золотом берегу, рядом с Островами Зеленого Мыса, которые представляли собой колонию в еще большей степени, чем Мадейра, так что там требовалось много рабов из близлежащей Африки. Опять же, кажется очевидным, что он тогда был простым моряком – возможно, с кое-какими полномочиями. Быть может, он останавливался на Перечном берегу (Малагетта), где, как потом утверждал, видел сирен. Это было либо в 1481-м, когда была построена торговая фактория Эль-Мина, или в 1485-м, когда там побывал и картограф Жозе Визиньо, посланный туда «совершенным государем», королем Жоаном, чтобы рассчитать высоту солнца на экваторе. Сообщается, что с Колумбом ходил его брат, Бартоломео^[176]. В этих плаваниях он досконально познакомился с кораблями, которые позволили португальцам столь многого достичь, а именно – с каравеллами, маленькими, с треугольными косыми парусами и высокой маневренностью, хорошей скоростью и малой осадкой. Они могли ходить против ветра лучше старых кораблей с четырехугольными прямыми парусами^[177].

Колумб не только много путешествовал, но и много читал. Вероятно, ему попалось на глаза удивительное утверждение Сенеки, что можно дойти от Испании до Индии за несколько дней^[178]. Он наверняка читал записки Марко Поло, сделанные на мосту Риальто в Венеции ради пользы других путешественников, а также его мемуары, надиктованные товарищу по заточе-

нию в геноуэзской тюрьме. Последняя книга была полна увлекательных историй, включая байки об амазонках и псоглавцах. Марко Поло утверждал, что Чипангу (Япония) расположена на расстоянии 1500 миль к западу от Китая, и что вокруг Азии находятся 1378 островов^[179].

Еще одна книга, которую читал Колумб (в то время или чуть позже), была «*Imago Mundi*»⁸ Пьера д'Айи, космографа начала XV века, который был также епископом Камбрэ, кардиналом и духовником короля Франции. В своей работе этот ученый француз обсуждал не только астрономию, но и размер Земли. Он предполагал, что Атлантический океан узок, что Сенека был прав, утверждая, что при попутном ветре его можно пересечь за несколько дней и что антиподы существуют. В своем экземпляре книги рядом с этим утверждением Колумб написал: «Нет смысла верить, что океан покрывает половину земли»^[180]. Колумб также изучал «Описание Азии» сиенца папы Пия II (Энея Сильвия Пикколомини), который настаивал, что по всем морям можно ходить и все страны обитаемы. Этот понтифик также был уверен, что можно попасть из Европы в Азию, плывя на запад.

Колумб, естественно, также видел новое издание Птолемеевой «Географии» – самой известной книги по этой теме. В латинском переводе она появилась в 1406 году, напечатана была в Виченце в 1475-м, а позже постоянно переиздавалась. Эта книга была написана александрийским ученым примерно в 150 году после Рождества Христова. В ней перечислялись 8000 мест, имелись карты и таблицы. Самой важной идеей этой книги была мысль о возможности астрономически определить точное расположение любого места по широте и долготе. Большая часть информации в книге Птолемея была получена по слухам, но в то время она считалась научной. Колумб, вероятно, видел второе издание, опубликованное в Болонье в 1477 году, в котором было двадцать шесть карт Азии, Африки и Европы. Он также читал курьезную, но популярную работу любителя книг о дальних странствиях сэра Джона Мандевиля, который писал о вымышленных приключениях. Эта книга вскоре была несколько раз переиздана^[181]. Он мог видеть карты, принадлежавшие его тестю, поскольку возможно, что Пирестрелло был одним из советников Энрике Мореплавателя по океанским плаваниям^[182].

Наконец, Колумб получил несколько писем от пожилого эрудита и гуманиста, флорентинца Паоло дель Поццо Тосканелли, который в письме от 1474 года португальскому канонику Фернанду Мартиншу, одному из капелланов короля Афонсу V, утверждал, что западный путь в Китай возможен: «Я послал его высочеству эту карту, которую я начертил... и на которой отметил берега и острова, которые могут послужить для вас отправными точками, если вы предпримете плавание на запад»^[183]. Тосканелли, глава семейного дела по торговле кожами и пряностями во Флоренции, также говорил, что обсуждал с королем Португалии «кратчайший путь отсюда до островов Индии, где растут пряности, путь, более короткий, чем через Гвинею». Это путешествие может привести к «Антилии», или Японии.

Колумб сделал собственную копию этого письма из книги папы Пия II. В другом письме Тосканелли добавлял, что император Китая считал, что западный путь в его страну из Европы может составить 3900 морских миль – но сам он думает, что 6500 миль более вероятная цифра. Он прислал Колумбу копию этого последнего письма, вероятно, в 1481 году^[184]. Еще позже он писал Колумбу: «Я уверен, что это путешествие не столь сложно, как считают»^[185].

Колумб позже сделал собственный вывод. Он согласился с мнением Пьера д'Айи, что Атлантический океан не так широк, как кажется^[186], и с мнением Тосканелли, что его можно пересечь. Фернандо Колон писал, что его отец начал думать, что «как некоторые португальцы могли плавать так далеко на юг, так можно идти и на запад, и вполне логично ожидать, что в этом направлении встретятся земли»^[187]. Он, по словам Фернандо Колона, собирал все идеи, полезные для торговца или морехода, будучи убежденным, что «к западу от Канарских островов и Зеленого Мыса находятся много островов и земель».

⁸ «Образ мира» (лат.).

Тосканелли оказал решающее влияние на Колумба, который постоянно упоминает его в своих письмах. В дневнике своего первого плавания он говорит о «Паоло Фисико» чаще, чем о своих испанских соратниках. Тосканелли, однако, обладал живым воображением и сильно ошибался в оценке расстояния от Канарских островов до Японии^[188].

Начиная с XV столетия ходит история, что Колумба подтолкнул к такому решению «неизвестный лоцман» – вероятно, андалузец или португалец, который на смертном одре рассказал ему, что его бурей занесло в Западную Индию, когда он шел из Португалии в Индию. Лоцман рассказывал о нагих людях, которые жили в гармонии под солнцем, – видимо, на островах Карибского моря. Большинство историков XVI века (Фернандес де Овьедо, Лопес де Гомара и сам Фернандо Колон) отрицали эту байку, которая шла вразрез с ожиданиями Колумба: ведь тот никогда не предполагал встретить в Новом Свете примитивные племена. Напротив, он ожидал встречи с утонченным сегуном Японии Асикага или минским императором Китая.

Но тем не менее байка эта пережила века, и в XX веке несколько заслуженных писателей горячо поддерживали теорию о «неизвестном лоцмане»^[189]. Например, один историк писал, что Колумб таким образом «узнал не только о существовании земли в океане на западе, принадлежавшей, как он считал, к Западной Индии, но и о точном расстоянии до Старого Света, а также о его четком положении в огромном море»^[190]. Но «неизвестный лоцман» вовсе не нужен для объяснения образа мыслей Колумба: его план, по существу, был составлен только при помощи Пьера д'Айи и Тосканелли, француза и флорентинца.

В 1481 году Колумб составил план плавания на запад, в Чипангу (Японию) и Китай для португальского короля Жоана, который больше других монархов был заинтересован в открытиях. Португальские первопроходцы уже открыли загадочные королевства, такие, как Бенин, увидели громадные африканские реки, такие, как Сенегал, Гамбия, Нигер и даже Конго. В начале 1480-х годов Диогу Кан почти достиг мыса Доброй Надежды. Так что трудно было заинтересовать короля планами поисков западного пути в Китай. Однако Жоан предложил план Колумба на рассмотрение комиссии – первой из многих, перед которыми генуэзцу придется говорить в течение последующих десяти лет. В те дни это было стандартной практикой, как и в наше время. Правители всегда запрашивают совета у экспертов в сложных случаях.

В эту комиссию, Жунта дос Математикос, собравшуюся в Лисабоне, входили картограф Жозе Визинью, с которым Колумб, возможно, ходил в Западную Африку, епископ Сеуты Дього Ортис де Вильегас (кастилец из Кальсадилы неподалеку от Кории, в Касересе)^[191] и эксцентричный астроном, мештри Родригу, с которым Колумб уже обсуждал деликатные вопросы высоты солнца над экватором.

Жунта решила, что Чипангу может находиться дальше, чем считают Колумб и Тосканелли (в этом ее члены оказались полностью правы), и что невозможно снарядить экспедицию, снабдив ее достаточным количеством воды и припасов, чтобы пересечь такое огромное морское пространство. Ни одна команда не сможет так долго сохранять дисциплину. Но как только король Жоан отказал Колумбу, он по совету епископа Ортиша отправил каравеллу к западу от островов Зеленого Мыса на исследование Атлантики. Она вернулась через много дней, без новостей^[192].

Получив отказ в Португалии, Колумб решил обратиться к монархам Испании. В Испании он прежде не бывал. Но эта страна, как и Португалия, имела свои аванпосты в Атлантике – на Канарских островах, и в колонизации их тоже участвовали генуэзцы. Колумб это знал, а благодаря письму Тосканелли он понимал, что Канарские острова – лучшее место для начала трансатлантического плавания.

Канарский архипелаг состоит из множества островов – нескольких больших и десятков мелких, из которых самый ближний лежит на расстоянии пятидесяти миль от северо-западного побережья Африки и в 750 милях от юго-востока Испании, в тринадцати днях нормального плавания от Кадиса. Этот архипелаг, вероятно, известный в древности как «Счастливые

острова», впервые посетил, как сказано выше, кастильский флот под командованием генуэзца Ланцаротто Малочелло. Другая кастильская экспедиция в 1402 году возглавлялась французскими искателями приключений, Жеаном де Бетанкуром из Гренвилля в Нормандии и Гадифером де ла Саль из Пуату. Бетанкур основал собственное княжество на Лансароте и двух других островах поменьше, Фуэртевентуре и Иерро, где туземцы не так отчаянно сопротивлялись, как на Гран-Канарии и Тенерифе. Он разделил захваченные земли между своими последователями, преимущественно кастильцами, а также несколькими нормандцами. За этим последовали усобицы. Португальцы заявили на архипелаг свои права, Энрике Мореплаватель жаждал захватить острова и безуспешно сражался за них. Наконец, главенствующим на островах стали Медина Сидония и семейство Пераса, тоже родом из Севильи. Миссионеры пытались обратить в христианство местное население, включая туземцев еще не завоеванных островов, в то время как морские капитаны захватили многих аборигенов, чтобы продать в рабство в Испанию^[193].

В конце концов португальцы согласились с испанским владычеством на Канарах по договору в Алькасовасе в 1479 году, а также признали за испанцами полосу земли в Африке, лежащую напротив островов (нынешняя Западная Сахара), таким образом оградив «Малое Море» (*El Mar Pequeno*), одно из лучших рыболовных мест в Атлантике. Взамен Кастилия признала за португальцами Азорские острова и Мадейру, а также их монополию на торговлю с Западной Африкой^[194]. Затем кастильцы под предводительством Педро де ла Вера из Хереса-де-ла-Фронтера после жестоких боев сумели установить владычество над большей частью Гран-Канарии. Также в начале 1490-х был завоеван остров Ла Пальма. Таким образом, в руках туземцев оставался один Тенерифе.

Эти канарцы были загадочным народом. Были ли они берберского, африканского или европейского происхождения? Вероятнее всего первое, хотя никто не может сказать в точности даже как они выглядели. Колумб описывает их как не темнокожих и не светлокожих, что дает мало информации, а записи о продаже рабов говорят, что среди них были и первые, и вторые^[195]. Французы начала XV века называли их «высокими и ужасными». Канарцы, похоже, не знали мореплавания (или полностью забыли его), потому никогда не покидали своего архипелага, даже не плавали с острова на остров. Они не знали и что такое хлеб. Они не ведали лошадей, и потому кастильская кавалерия приводила их в ужас. У них было несколько языков, и управляли ими многочисленные независимые царьки. Они хорошо сражались каменным и деревянным оружием, но их численность уже начала сокращаться из-за завезенных европейцами болезней. Испанцы могли вести себя в этих землях как хотели, поскольку местное население было слишком малочисленно – вероятно, 14 тысяч на Тенерифе, 6 тысяч на Гран-Канарии и полторы тысячи человек на остальных островах^[196].

Канарские острова стали источником богатства для Кастилии. Начиная с 1450-х годов множество туземцев были захвачены в плен и проданы в рабство в Андалузии. Поскольку их не коснулся ислам, они считались более надежными, чем берберы (мусульмане были печально известны упорной верностью своей религии). Несколько влиятельных людей при испанском дворе, такие, как старший советник Гутьере де Карденас, получали весомый доход от продажи такой продукции островов, как орсиль, на торговлю которым у Карденаса была монополия. Его коллега Алонсо де Кинтанилья получал помощь от севильских генуэзцев при финансировании этих завоеваний. Людовико Чентурионе построил на Гран-Канарии сахарный завод в 1484 году, хотя острова еще не были окончательно завоеваны. Сюда был также назначен епископ Рубикона – Хуан де Фриас. Завоевание Канарских островов Кастилией в XV веке было первым шагом к Новому Свету, хотя в то время о его существовании даже и не подозревали.

Колумб, видимо, не бывал на Канарах до своего визита в Испанию – иначе он непременно бы об этом упомянул. Хотя у Колумба вроде бы была интрижка с последней правительницей Ла Гомеры, Беатрис де Бобадильей, вряд ли это имело место до их встречи в Кордове. Но, как предполагалось ранее, еще до отплытия в Испанию он знал, что любому капитану, собирающе-

муся плыть на запад, лучше всего использовать в качестве базы Канарские острова; как говорил Тосканелли, такое путешествие лучше начать как можно южнее, чтобы воспользоваться господствующими ветрами. Ветра в Атлантике идут по часовой стрелке, как в большом колесе. Широтный характер этой системы был ключевым моментом плавания в Новый Свет в течение многих поколений, и Колумб мог узнать об этом из разговоров с моряками в Лисабоне.

Колумб приехал в Уэльву во второй половине 1485 года. Он отправился во францисканский монастырь Ла-Рабида, неподалеку от которого мутно-красная Рио-Тинто впадает в Атлантический океан. Монахи этого *convento* не только интересовались нуждами моряков, но могли и предоставить им нужную информацию. Они знали многие полезные вещи – например, что стая птиц указывает на близость суши. Среди них был фрай Франсиско (Альфонсо) де Боланьос, который был заинтересован в обращении туземцев Канарских островов и Гвинеи и даже запаса милостным папским заявлением в пользу туземцев и с критикой работорговли^[197]. Фрай Хуан Перес разговаривал с Колумбом об астрономии, Колумб также завел дружбу с фразом Антонио де Марчена.

Ла-Рабида была чем-то вроде морского университета^[198]. Тамошний послушник Педро де Веласко в юности был лоцманом у Диогу де Тейве, который служил принцу Энрике Мореплавателю и был одним из первых, кто начал сажать на Мадейре сахарный тростник. Сам Веласко в юности искал Атлантиду, и до сих пор его можно было увлечь разговором о вечерних морских туманах, которые давали морякам надежду, что они вот-вот достигнут суши. В море есть свои миражи, как и в пустыне. Даже и сейчас «столь часто причудливые облака затягивают все вокруг и обманывают человека, принимая форму гор, холмов и долин»^[199]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Tr. L. P. Harvey, *Islamic Spain 1250–1500*, Chicago 1990, 219.

2.

В городе, когда-то называемом мусульманами Аткуа и христианами Охос-де-Уэскар. Петер Мартир сообщал, что пожар был вызван куском «просмоленного дерева», использовавшегося для освещения и упавшего в шатре королевы. (Epistolario, in *Documentos ineditos para la historia de Espaha*, Madrid 1953 , IX, 160).

3.

В 1483 году он возглавил против мавров отряд в 350 копий и был назначен комендантом (алкальдом) крепости в городе Хаэн, когда оттуда были выведены мавры. Он также приходился двоюродным братом знаменитому королевскому министру другого поколения, Альваро де Луна. О его последующей деятельности см. главу 9 и далее.

4.

Martyr [1:2], 91.

5.

«el de las hazanas». Интересно, был ли этот Пулгар конверсо – подобно историку с той же фамилией?

6.

Martyr [1:2], 91.

7.

Ludwig von Pastor, *History of the Popes*, tr. Frederick Ignatius Antrobus, London 1898, V, 338.

8.

См. Petrus Christus II's «Our Lady of Granada», обычно датируемую «ок. 1500», в настоящее время хранится в Музео-дель-Кастильо в Пейетальяда. См. Diego Angulo Iniguez, 'La Ciudad de Granada, vista por un pintor flamenco', in *Al-Andalus*, V, 1940, 460–70.

9.

Antoine de Lalaing, *Relation du premier voyage de Philippe le Beau en Espagne, en 1501*, Brussels 1876, 204–208.

10.

Беженцы из Антекеры имели в Гранаде собственный квартал, Ла Антекера.

11.

См.: Ibn Khaldun, *Histoire des Berberes et des dynasties musulmanes de VAfrique septentrionale*, tr. and repr. Paris 1969, IV, 74.

12.

Циркулярное письмо Юсуфа III Гранадского, ок. 1415 года, написано в Арагоне и опубликовано в: J. Ribera and M. Asin, *Manuscritos arabes y aljamiados de la Biblioteca de la Junta*, Madrid 1912, 259, cit. L. P. Harvey [1:1], 59.

13.

Эти цифры взяты из Ladero Quesada in 'Isabel y los musulmanes', в Isabel la Catolica y la politico, Instituto de Historia de Simancas, Valladolid 2001.

14.

Более распространенное обозначение «морос» часто используется также и для мест, где они жили, – морерас. Мусульмане, обратившиеся в христианство, стали известны как мориски. Мудехары были известны в Арагоне как сарраценос.

15.

Abu' l'-Abbas Ahmad al-Wanshari, c.1510, qu. Harvey [1:1], 58.

16.

Las Siete Partidas, ed. Francisco Lopez Estrada and Maria Teresa Lopez Garcia-Berdoy, Madrid 1992, 420: «deben vivir los moros entre los cristianos en aquella misma manera que... lo deben hacer los judios; guardando su ley y no denostando la nuestra... en seguridad de ellos no les deben tomar ni robar lo suyo por fuerza».

17.

Historia del Abencerraje y la hermosa Jarifa, perhaps Antonio Villegas, Madrid 1551–1565.

18.

683 раба были пожалованы прелатам или рыцарям, семьдесят – кардиналу Мендосе. Некоторые были отправлены папскому двору.

19.

Alfonso de Palencia, Cronica de Enrique IV, Historia de la guerra de Granada, ed. A. Paz y Melia, Biblioteca de Autores Espanoles (hereafter BAE), vols. 257, 258, Madrid 1973–1975, 57. Мерло был представителем Короны в Севилье, ассистенте.

20.

Luis Suarez, Isabel I, Reina, Barcelona 2000, 221.

21.

Tarsicio Azcona, Isabel la Catolica, Vida y Reinado, Madrid 2002, 184.

22.

J. Masia Vilanova, 'Una politica de defensa mediterranea en la Espana del siglo XVI', в Fernando el Catolico, pensamiento politico, V Congreso de historia de la Corona de Aragon, Saragossa 1956, 99ff. См. также W. H. Prescott, The Art of War in Spain: the Conquest of Granada, 1481–1492, London 1995 (репринтная версия главы о войне в его жизнеописании Изабеллы и Фердинанда), 181.

23.

Harvey [1:1], 228, 256.

24.

Hernando del Pulgar, Cronica del los Reyes Catolicos, Madrid 1770, 177–179.

25.

Macchiavelli, *The Prince*, tr. and ed. by George Bull, London 1961, 119. Макиавелли писал: «В наше время мы имеем Фернандо Арагонского нынешним королем Испании. Его можно рассматривать в качестве нового князя, потому что, будучи слабым монархом, он возвысился до славы и известности величайшего короля христианского мира. Если вы изучите его достижения, то увидите, что все они были великолепны и некоторые из них не имеют себе равных. В начале своего царствования он напал на Гренаду, и это предприятие заложило основы его мощи». Сэр Джон Эллиот (*Imperial Spain*, London 1963, 34) точно так же писал: «Энергичное обновление для войны против Гранады сделало больше, чем что-либо еще, дабы сплотить страну вокруг ее новых правителей».

26.

В XX веке дон Хуан сказал своему сыну, Хуан Карлосу, что он тоже «должен быть кочевником» (*El Pais*, 20 November 2000, 29).

27.

Antonio Rumeu de Armas, *Itinerario de los Reyes Catolicos 1474–1516*, Madrid 1974, 157–164, 179–183.

28.

См. перечень таких поездок в Rumeu de Armas [2:2], 14–15, and fns 3–18.

29.

Эта версия озвучена: Azcona [1:21], 371.

30.

Традиционно фламандские гобелены XV века висят в соборе Гранады рядом с могилами тех монархов, которые когда-то возили их с собой. Как говорят, у Изабеллы было 370 таких гобеленов.

31.

Suarez [1:20], 120, использует для них слово «театральный».

32.

Имперский канцлер Карла V, Граттинара, считал, что странствующий суд является римским прецедентом. См.: A. H. M. Jones, *The Later Roman Empire*, Oxford 1964, I, 366–7. «Комитатус», комбинация министерств, прикрепленных к императору, составлял «на самом деле мигрирующее село». Герцог Бургундии также вел кочевую жизнь, как и император Максимилиан. Об их замечательных путешествиях см. *Collection des voyages des souverains des Pays-Bas*, ed. M. Gachard, I, Brussels 1876, 9–104.

33.

Этот порядок был заложен в XIV веке, и к 1490 году таких монастырей было уже 35.

34.

Сильнейшее ощущение этого утерянного прошлого можно испытать сегодня при посещении Ла Мехорады, где когда-то великолепные внутренние дворики заросли мальвами и дикие собаки бродят по ним: «Кукуруза там, где была Троя».

35.

В соответствии с Lorenzo Galindez de Carvajal (Anales Breves de los Reyes Catolicos, в Coleccion de documentos ineditos para la historia de Espana, Madrid 1851, vol. XVIII, 229–30), «Los reyes tenian un libro y en el memoria de los hombres de mas habilidad y meritos para los cargos que vacasen, y lo mismo para la provision de los obispados y dignidades eclesiasticas».

36.

Она уцелела как знаменитый Парадор.

37.

Единственным королем, посетившим Астурию до Карла V, отправившегося туда не по своей воле в 1517 году, был Педро Жестокий.

38.

См. Luis Suarez, Nobleza y Monarquia, Madrid 2002, 145.

39.

Richard Kagan (ed.), Cuidades del Siglo de Oro, Las vistas espanolas de Anton van den Wyngaerde, Madrid 1986, 70.

40.

Christoph Weiditz, Trachtenbuch, 1529, в Германском Музее, Нюрнберг, и факсимильного издания д-ра Теодора Хампе, Берлин 1928. Вейдлиц приехал в Испанию в свите польского посла Дантишкуска [Он же Ян Дантишек (1485–1548), посол короля Сигизмунда I, с 1537 года – архиепископ Варемии. (Прим. ред.)]. Это счастливое напоминание о тех временах, когда богатые поляки помогли бедным немцам.

41.

Он же Филипп де Бигами из Лангра в Бургундии, великий мастер скульптуры в соборе Бургоса. Возможно, он был из города Бургос. Его жизнь была долгой, его произведения разнообразны.

42.

Большинство людей скажут, что лучший ее портрет – работа анонима, изображающая королеву с Картухой де Мирафлорес, в настоящее время он находится в Паласио-Реаль в Мадриде. Другие прекрасные портреты Иза беллы можно будет увидеть в Королевской исторической академии, музее Прадо (с Фердинандом и в одиночку) и в Королевской коллекции в Виндзоре, Англия. Существует также прекрасная скульптура на ее могиле в Гранаде работы Доменико Фанчелли (около 1514 года). См. в порядке дискуссии Azcona [1:21], p. 18–19.

43.

Королева Изабелла-мать умерла в 1496 году, лишившись здравого рассудка уже много лет назад.

44.

Azcona [1:21], 89, отмечает, что она была «de esplendida belleza pero sin dote».

45.

См.: Luis Suarez, Enrique IV de Castillo, Barcelona 2001.

46.

По этой договоренности Афонсу после свадьбы считался «принцем Кастилии и Леона» и «принцем Астурийским». Он мог сохранять эти титулы для двоих своих детей. Дети будут воспитываться в Кастилии, и их двор будет состоять из кастильцев. После смерти Энрике оба станут монархами Кастилии. Если после этого Изабелла умрет первой, Афонсу останется королем Кастилии. По альтернативному плану Афонсу женился на Хуане.

47.

См.: Azcona [1:21], 68ff. and 75. Он указывает, что «el hecho incontrovertible es que Juana fue jurada princesa heredera y que ninguna duda surgio entonces sobre su nacimiento legitimo». В своем жизнеописании Изабеллы Луис Суарес утверждает, что она сама не испытывала никаких иллюзий по поводу нелегитимности Хуаны: мать Хуаны имела любовников и внебрачных детей. Кроме того, что важнее, Энрике признался, что его брак с Хуаной состоялся без папского одобрения, так что по каноническому праву «Ла Бельтранеха» не была легитимной. См.: Luis Suarez, [2:20], 235–6. Альфонсо де Паленсия, историк, который в скором времени станет секретарем Изабеллы, также сообщает слухи, что Энрике не был сыном своего предполагаемого отца.

48.

Гутьере де Карденас, племянник Алонсо де Карденаса, великого магистра ордена Сант-Яго, в течение долгого времени находился при дворе архиепископа Каррильо; вместе с Пачеко он часто сопровождал инфанта Альфонсо и стал маэстресала двора Изабеллы в 1468 году, сменив Тороса де Гузандо. Он был с Паленсией в Сарагосе в 1469 году, чтобы вернуть в Вальядолид принца Арагонского, Фернандо. На провозглашении в Сеговии в 1474 году он ехал перед Изабеллой с обнаженным мечом, обещая кару преступникам. С 1475 года он был вторым контактором дель рейно (казначеем королевства). Он взял на себя руководство последней стадией войны с Гранадой; сначала потерпел неудачу у Малага, но привел испанские войска в Альгамбру в январе 1492 года. К тому времени он «постоянно жил во дворце», был богат, являлся командующим Леона и занимал должность контадор майор — главного казначея. Он возглавлял посольство в Англию по поводу свадьбы Екатерины Арагонской. Позднее он участвовал в безуспешных Тордесильяских переговорах и умер около 1502 года.

49.

Альфонсо де Паленсия (1423–1492) – ученик Алонсо де Картахены [Алонсо де Санта-Мария де Картахена (1384–1454) – архиепископ Бургосский, знаменитый писатель-моралист, один из образованнейших людей своего времени. (Прим. ред.)], был латинским секретарем и летописцем монархов Кастилии в 1456–1474 годах. Его история царствования Энрике IV (Cronica de Enrique Cuarto, BAE, т. 257, 258) является одним из самых важных произведений в испанской исторической науке. Он критиковал Энрике за действия некоторых его фаворитов, утверждал, что он развязал гражданскую войну и заключил слишком благоприятные для мусульман соглашения. Затем он стал секретарем Изабеллы и вместе с Гутьере де Карденасом доставил Фердинанда в Вальядолид в 1469 году. Он был основным источником для таких историков, как Бернальдес, Пульгар, Валера и т. д., а также для Прескотта в его «Истории королей Фердинанда и Изабеллы» (Prescott, History of the Reign of Ferdinand and Isabella, 3 vols., 1838).

50.

John Edwards, The Spain of the Catholic Monarchs, 1474–1520, Oxford 2000, 266.

51.

См.: Maria Isabel del Valdivieso, 'La Infanta Isabel, Senora de Medina del Campo', Estudios de Historia Medieval, in Homenaje a Luis Suarez, Valladolid 1991. См. также: Historia de Medina del Campo y su tierra, ed. Eufemio Lorenzo Sanz, 2 vols., Valladolid 1986.

52.

Azcona [1:21], 115, подчеркивает арагонскую инициативу. Булла, которая была представлена монсеньором Венерисом, якобы утверждала, что Пий II издал аналогичную буллу в 1464 году.

53.

См.: Ernest Belenguer, La corona de Aragon en la monarquia hispanica, Barcelona 2001, chapters II–III.

54.

«La hermandad de las marismas».

55.

Так как на ранних стадиях Арагон играл меньшую роль в испанской империи в Индиях, чем Кастилия, это королевство здесь подробно не рассматривается.

56.

См.: Juan Manuel Carretero Zamora, Cortes, monarquia ciudades: Las cortes de Castillo a comienzos de la epoca moderna, 1476–1515, Madrid 1988.

57.

Palencia [1:19], 287–296, ярко описывает это путешествие.

58.

Хуана, ее дочь, сказала английскому дипломату в мае 1505 года, после смерти Изабеллы, что эта страсть была взаимной, но сильнее оказалась в ее матери (cit. Azcona [1:21], 25). «Notorio es que no fue otra cosa que los celos y no solo se halla en mi esta pasion, mas la Reyna, mi senora... fue asimismo celosa...»

59.

«Suplico a vuestra senoria que mas a menudo vengan las cartas que, por mi vida, muy tardias vienen» (Vicente Rodriguez Valencia, Isabel la Catolica en la Opinion de Espanoles y Extranjeros, 3 vols., Valladolid 1970, III, 108).

60.

Альфонсо стал архиепископом Сарагосы и сам завел незаконных потомков. Хуана вышла замуж за Бернардино Фернандеса де Веласко, коннетабля Кастилии.

61.

Вероятно, в 1500 году все население полуострова составляло чуть более 6 миллионов человек, из которых Португалия насчитывала миллион. См.: Azcona [1:21], 323.

62.

На этом настаивает Azcona [1:21], 115.

63.

Pulgar [1:24], 36: «E habia una gracia singular, que cualquier que con el fablase, luego le amaba e le deseaba servir».

64.

Manuel Gimenez Fernandez, Bartolome de las Casas, vol. 1, Seville 1953.

65.

Фердинанд, как «завзятый бабник», обсуждается в Manuel Fernandez Alvarez, Juana la Loca: La Cautiva de Tordesillas, Madrid 2000, 57ff.

66.

Другие изображения находятся в Музее изящных искусств в Пуатье, и в Британском Королевском Собрании (неизвестные художники) в Виндзоре. См. также «Деву Милосердия» Диего де ла Круза и его подмастерьев, изображающую его семью и кардинала Гонсалеса де Мендосу, в Реал Монастерио де лас Уэльгас в Бургосе.

67.

Peggy Liss, Isabel the Queen, Oxford 1992, 76.

68.

Алонсо де Кинтанилья был чиновником, который позже пустил в ход идею национальной полиции или Эрмандады в 1476 году, до кортесов в Мадригале. Он организовал помощь генуэзцев (Рибароло, Пинелли) для завоевания Канарских островов в 1480-х годах. Герцог Мединасели в своем письме к кардиналу Мендосе в 1493 году говорит, что Кинтанилья оказал поддержку идее экспедиции Колумба. Благодаря кардиналу Мендосе, Колумб часто бывал на обедах в доме Кинтанильи. (Gonzalo Fernandez de Oviedo, Historia general y natural de las Indias, BAE, 2nd ed., Madrid 1992, I, 22.)

69.

Андрес де Кабрера, мажордом Энрике IV, около 1472 года был алкальдом Сеговии, а также лидером конверсо в Сеговии. Он стал маркизом Мойя, а затем женился на Беатрис де Бобадиля, камеристке Изабеллы. Суарес [1:20] говорит о нем как «el de las gestiones decisivas» (162). Он постоянно использовался Изабеллой и к 1492 был очень богат.

70.

Кардинальство Мендосы было, вероятно, организовано Родриго Борджа в качестве компенсации за изменение его политики. Борджа был в Испании с 18 июня 1472 года по 12 сентября 1473 года, посетив Валенсию, епископом которой являлся с 1458 года. См.: Fr. Miguel Batllori, La familia de los Borjas, Madrid 1999, 92.

71.

Palencia [1:19], 156–157: «la senora Princesa danco alii e el senor Rey canto delante de ella e estovieron en su gajasa do gran parte de la noche...»

72.

В Кастилии монархи не короновались, как во Франции и в Англии.

73.

Palencia [1:19], 154.

74.

Епископ Мендоса станет канцлером Тайной Печати, Чакона – главой бухгалтерии, Карденас – его заместителем, а Родриго де Ульоа, который служил при короле Энрике, – третьим в команде. Габриэль Санчес, арагонский конверсо, будет заниматься финансами королевского двора.

75.

Bartolome de las Casas, *Historia de las Indias*, 3 vols. (hereafter *Las Casas*), Mexico 1986, I, 156: «Su gran virtud, prudencia, fidelidad a los reyes y generosidad de linaje y de animo».

76.

Richard Ford, *A Handbook for Travellers in Spain*, 3rd ed., London 1855, I, 320.

77.

См. также гробницу Мендосы в Толедском соборе, который по его воле должен быть «прозрачен и открыт, со скульптурами по обеим сторонам». Она, вероятно, была создана Сансовино. Существует портрет кардинала в красном и красной шляпе в Вирген-де-ла-Мерсед и в «Католических королях» в Лас Уэльгас в Бургосе. Другой его портрет, без шляпы, находится в Ретабло дель Карденал в Сан-Гинеса, Гвадалахара, – по-видимому, работы Хуана Родригеса де Сеговии, «эль маэстро де-лос-Луна». Кардинал основал Коллегию Святого Креста – первое здание в стиле ренессанс в Испании, в Вальядолиде. Здесь летрадов должны были обучать для королевской службы. Они должны были иметь лимпиесу, то есть быть свободными от обвинений в наличии еврейской крови.

78.

Suarez [1:20], 115.

79.

Liss [2:42], 122–123.

80.

Библиотека Изабеллы включала книгу Ландульфа Саксонского «Жизнь Христа», «*El Jardin de las nobles doncellas*» фрая Мартина де Кордовы, «*Soliloquies*» фрая Педро дель Гвадалахары и «*Exercitorio de la vida espiritual*» фрая Гарсиа Хименеса де Сиснероса, а также многочисленные (поначалу) рыцарские романы.

81.

Хуан дель Энсина работал для герцога Альбы, и мы можем представить, как одна из его музыкальных пьес исполнялась в замке герцога в Альба-де-Тормес в канун Рождества 1492 года. Энсина был мастером музыки и поэзии.

82.

Таким образом, она сказала исповеднику, Талавепе: «No reprehendo las dadivas y las mercedes... No el gasto de las ropas y nuevas vestiduras, aunque no carezca de culpa en lo que en ello ovo de demasiado». (См. для дискуссии: Rodriguez Valencia [2:34], III, 5.) Германский путешественник Мюнцер описывает ее всегда одетой в черное: 'Viaje por Espana', in J. Garcia Mercadal, *Viajes*

de Extranjeros por Espana y Portugal, Madrid 1952, 404. Антуан де Лалайн говорил то же самое в 1501 году: «No hablo de los vestidos del rey y de la reina, porque no llevan mas que panos de lana».

83.

Martyr, Epistolario [1:2], letter 150.

84.

К примеру, сэр Питер Рассел, цит. у: Edwards [2:25], 1.

85.

Прекрасное описание этой войны дано в: Edwards [2:25], 23ff.

86.

Об ином пророчестве см. главу 37.

87.

Как, например, Фердинанд продемонстрировал своим эффективным урегулированием социальных проблем Каталонии где он обеспечил конец хроническому противостоянию между крестьянами и помещиками.

88.

Luciano Serrano y Pineda, Correspondencia de los Reyes Catolicos con el Gran Capitan durante las campanas de Italia, in Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos, vols. XX–XXIX, 1909–13, dated 10 July 1505.

89.

‘De semblante entre grave y risueno’, Munzer in Garcia Mercadal [2:57], 406. Из всех биографий Фердинанда последней является: Ernest Belenguer, Fernando el Catolico, Barcelona 1999.

90.

Martyr [1:2], 50.

91.

Александр Великий, прибыв в Гордиум, обнаружил узел, завязанный настолько сильно, что никто не мог развязать его. Тот, кто сделал бы это, стал бы завоевателем мира. Александр разрубил узел мечом, сказав: «Tanto Monta», что по-испански в XV веке стало означать «Это то же самое» («da lo mismo»). Другими словами, Фердинанд был приглашен отстаивать свои права путем выбора прямых решений. См.: P. Aguado Bleye, ‘«Tanto Monta»: la Empresa de Fernando el Catolico,’ Revista de Santa Cruz, 8, Valladolid 1949.

92.

Например, Бемальдес говорил о Кастилии как о переполненной «mucha soberbia, e de mucha herejia, e de mucha blasfemia e avarica, e rapina, e de muchas guerra e bandos, e parcialidades, e de muchos ladrones e salteadores, e rufianes e matadores, e tahures, e tableros publicos...» (Andres Bemaldez, Historia del Reinado de los Reyes Catolicos, 2 vols., Seville 1869, 25).

93.

Azcona [1:21], 214–215, указывает, что социальное положение Совета было достаточно скромным, он состоял большей частью из уважаемых людей местности.

94.

Постепенно коррехидоры во всех крупных городах стали назначаться Короной – это означало, что в Кастилии опасность муниципалитетов, стремящихся к независимости по итальянскому образцу, сильно уменьшилась. Сама эта должность существовала здесь с XIV века, но начала широко использоваться, как правило, с 1480-х годов.

95.

Его племянник, Хорхе Манрике, был гораздо более знаменитым поэтом. В 1494 году уже пятьдесят четыре города Испании имели своих коррегидоров.

96.

Francesco Guicciardini, *The History of Italy*, tr. Sidney Alexander, New York 1969.

97.

Julius Klein, *The Mesta*, Cambridge 1920, 27. Клейн указывает, что между 1477 и 1512 годами их было 2,6 миллиона. Королевские поступления от «servicio y montazgo» из стад, перегоняемых по «canadas reales» 78 метров в ширину, были абсолютно гарантированы.

98.

Earl Hamilton, *American Treasure and the Price Revolution in Spain 1501–1650*, Cambridge 1934, 157.

99.

После 1492 года к ним будет добавлена Гранада. В числе этих городов были Авила, Бургос, Кордоба, Куэнка, Гвадалахара, Хаэн, Леон, Мадрид, Мурсия, Саламанка, Сеговия, Севилья, Сория, Толедо, Торо, Вальядолид и Самора. Последняя утверждала, что говорит за Галисию!

100.

В целом о средневековом бэкграунде см.: Edwards [2:25], 42.

101.

Лучшее обобщающее описание можно найти в главах VII–VIII и XI биографии Асконы [1:21], 87.

102.

Предполагается, что число жителей уменьшилось в два раза с 1486–1487 годов, момента падения Малаги. См.: Ladero Quesada, in *La Paz y la guerra en la epoca del Tratado de Tordesillas*, Valladolid 1994, 270.

103.

«La bien cercada, tu que estas en par del rio».

104.

Figures in Ladero Quesada [3:12], 271–272.

105.

David Hume, *History of England*, 8 vols., Dublin 1775, vol. III, 278.

106.

См.: Ladero Quesada [3:12], 266.

107.

Например, однажды Мендоса предложил курии ужин на берегу Тибра, на котором – отголоски Петрония – каждое блюдо подавалось на новом серебре, после чего его бросали в реку. Некто из гостей, Тендилья, поставил в реке сети и выловил все, кроме одной ложки и двух вилок. Когда Ватикан оказался отрезан от снабжения дровами, он купил несколько старых домов и разобрал их на дрова. Его портрет можно увидеть на медали, выбитой в честь него в 1486 году.

108.

О лицах XVI века см.: John Pope-Hennessy, *The Portrait of the Renaissance*, New York 1963. Об одежде см.: Carmen Berm's, *Trajes y modas en la Espana de los Reyes Catolicos*, I Las Mujeres: II Los Hombres, Madrid 1979.

109.

Я принимаю цифры Мартира (Martyr, [1:2] I, 113), но см. также: Ladero Quesada [3:12], 266.

110.

См. прекрасную биографию Jose Enrique Ruiz-Domenec, *El Gran Capitan*, Barcelona 2002. Кампания в Андалусии была для «Эль Гран Капитана» репетицией Италии.

111.

В X веке егерь (montero) из Эспиноса спас жизнь графа Санчо Гарсия. После этого монтерос стали королевскими телохранителями.

112.

A. de la Torre (*Documentos sobre las relaciones internacionales de los Reyes Catolicos*, 6 vols., Madrid 1949–1951).

113.

Miguel Angel Ladero Quesada, *Los senores de Andalucia*, Cadiz 1998, 247–8.

114.

О сущности средневекового испанского (и итальянского) рабовладения см.: Charles Verlinden's *L'Esclavage dans l'Europe medievale*, vol. I (Bruges 1955). См. также мою работу: *The Slave Trade* (London 1977), особенно главу 4. О статусе рабов в христианской Испании см.: *Las Siete Partidas* [1:16], Part IV, Titulo 21, 'De los siervos' (sic).

115.

Martyr [1:2], II, 120.

116.

Oviedo [2:43], I, 52: «Cuanto mas que han aca pasado diferentes maneras de gentes; porque, aunque eran los que venian, vasallos de los reyes de Espana, ¿quien concerta al vizcaino con el Catalan, que son de diferentes provincias y lenguas? Como se avernan el andaluz con el valenciano, y el de Perpinan con el cordobes, y el aragones con el guipuzcoano, y el gallego con el castellano... y el asturiano e montanes con el navarro?»

117.

Лорд Скейлс, именуемый у Мартира (Martyr [1:2], I, 93) «графом Эскала» из «Британии».

118.

Ladero Quesada [1:13], 270.

119.

Это слово происходит от немецкого Hakenbuhse – hookgun.

120.

Возможно, искаженное «бомбарда».

121.

Варианты включают цербатану, фальконет и рибадокен.

122.

См.: Hermann Kellenbenz, *Los Fugger en Espana y Portugal hasta 1560*, Junta de Castilla y Leon, Salamanca 1999, 8. Испанским вкладом в эту торговлю были кораллы, хлопок, кроличьи шкуры и ароматические растения, прежде всего шафран.

123.

Первым каталонским изданием была работа немецкого печатника Николя Шпиндлера, вызванного в Валенсию, чтобы издать книгу Хуана Рикса де Кура. Посвященная инфанту Фердинанду Португальскому, она была опубликована в Кастилии в 1511 году, а написана в Валенсии между 1460 и 1466 годами. См.: *Don Quixote*, I, ch. VI.

124.

См.: Irving Leonard's *Books of the Brave*, New York 1949, 115.

125.

Франчелли родился в Сеттиньяно в 1469 году, приехал в Испанию в молодости и жил в Сарагосе до своей смерти в 1519 году.

126.

Francisco Sevillano Colom, 'La Cancilleria de Fernando el Catolico', V Congreso de la corona de Aragon, Saragossa 1955, 215–253.

127.

Juan Gil, *Los conversos y la Inquisition Sevillana*, 5 vols., Seville, 2000–2, II, 11. Среди секретарей католических королей к конверсо принадлежали Фернандо Альварес де Толедо, сын коррехидора Толедо, а также Андрес де Кабрера, Хуан Диас де-Алькосер, Хуан-де-ла-Парра и Эрнандо дель Пульгар. Мы не должны забывать также про фрая Эрнандо де Талавера и Диего де Валера.

128.

См.: Palencia [1:19], 15.

129.

См.: John Edwards, 'The «massacre» of Jewish Christians in Cordoba, 1473–1474', in Mark Levene and Penny Roberts, *The Massacre in History*, New York 1999.

130.

Luis Suarez, 'La Salida de los Judios', in *Isabel la Catolica y la Politico*, ed. Julio Valdeon Baruque, Valladolid 2001, 86. В другом месте он объясняет основные обвинения, сформулированные против конверсо. Нетаньяху считает, что целью инквизиции было «уничтожить марранское сообщество. Сторонники инквизиции, конечно, знали, что конверсо были так или иначе связаны с ним». Конверсо были теми, кто обратился в христианство по своей воле, марраны – те, кто был принужден к обращению силой.

131.

См. Suarez's *Isabel I*, [1:20], 299.

132.

Netanyahu, *Toward the Inquisition*, New York 1997, 198–199.

133.

Хотя цифра 2000 наиболее распространенная, многие исследователи в ней сомневаются. Например, Alfredo Alvar Ezquerro, *Isabel la Catolica*, Madrid 2002, 98, говорит, что в годы правления двух монархов их число составляло около 9000 – из в общей сложности 10 000 конверсо.

134.

Откупщик был частным лицом, собиравшим налоги от имени центральной власти.

135.

J. Vicens Vives, *Historia critica de la vida y reinado de Fernando II de Aragon*, Saragossa 1962, 654. Ранее врачом Изабеллы был Саломон Байтон.

136.

Шестнадцать в Арагоне, тридцать один в Кастилии, один в Наварре.

137.

Edwards [2:25], 197.

138.

Всего в Испании было около двухсот монастырей, из которых пятьдесят – цистерцианских, шесть премонастерианских, а среди остальных большинство составляли бенедиктинские, некоторые зависящие от основы в Ключи. Имелось около двухсот францисканских конвенто, несколько доминиканских и тридцать четыре иеронимитских.

139.

См.: Louis Cardaillac, *L'Espagne des Rois Catholiques, le Prince Don Juan, symbole de l'apogee d'un regne 1474–1500*, Paris 2000, 113–223.

140.

Helen Nader, *The Mendoza Family in the Spanish Renaissance*, New Brunswick 1979, 109.

141.

Manuel Fernandez Alvarez, *Corpus documental de Carlos V*, Salamanca 1973, 5 vols., I, 167 fn, 62.

142.

Suarez Fernandez [1:20], 28.

143.

Pulgar [1:24], 313–14.

144.

См.: Miguel Angel Ladero Quesada, 'Les finances royales de Castille a la vieille des temps modernes', *Annates*, May-June 1970.

145.

Martyr [1:2], 3.

146.

Лучший его портрет, судя по всему, находится в Военно-морском музее в Мадриде. Ср. также впечатление от «La Virgen de los Mareantes» Алехо Фернандеса в Алькасапе в Севилье, которая может отражать воспоминания Фернандеса о Колумбе из того времени, когда он жил в Кордове. Мое описание исходит из нескольких источников, например Las Casas [2:50], I, 29. Oviedo [2:43], I, 8 – а те, кто видел его в 1493 году, говорят, что Колумб был «de buena estatura e aspecto, mas alto que mediano y de recios miembros; los ojos vivos e las otras partes del rostro de buena proportion; el cabello muy – bermejo, y la cara algo encendida e pecoso; bien hablado, cauto, e de gran ingenio, e gentil latino... gracioso quando queria, iracundo quando se enojaba». Существует тонкий портрет Себастьяна дель Пьомбо в Метрополитен-Музее в Нью-Йорке, но Колумб ли это?

147.

Las Casas [2:50], I, 163: «tal empresa como aquella no era sino para reyes».

148.

Anon in *Poesie*, ed. L. Cocito, 1970, 566, cit. Felipe Fernandez-Armesto, *Before Columbus*, London 1987, 106.

149.

Guicciardini [3:6], 9.

150.

Pastor [1:7], V, 241.

151.

Joanot Martorell and Marti Joan de Galba, *Tirant lo Blanc*, tr. David H. Rosenthal, London 1984, 198.

152.

Fernandez-Armesto [4:2], 119.

153.

О генуэзцах на Хиосе см.: Philip Argenti, *The Occupation of Chios by the Genoese 1346–1566*, 3 vols., Cambridge 1958.

154.

Jacques Heers, *Genes au XVeme siecle*, Paris 1961, 68–71.

155.

Sir Peter Russell, *Prince Henry the Navigator*, New Haven 2000, 249, освещает эту сторону генуэзской коммерции.

156.

Argenti [4:7], 333, предостерегает нас от мысли, что все, кто именовался Чентурионе, Гримальди, Пинелли и т. д., являлись потомками лиц, носящих эти фамилии. Зачастую они просто были известны в своих отрядах под такими прозвищами.

157.

Suarez [1:20], 121.

158.

Кардинал появляется с тимпаном: более банкир, нежели епископ, как говорит Пегги Лисс: Peggy Liss [2:42], 260.

159.

Gonzalo Fernandez de Oviedo, *Las Quinquagenas de la Nobleza de Espana*, Royal Academy of History, I, Madrid 1880.

160.

Qu. Consuelo Varela, *Cristobal Colon, retrato de un hombre*, Madrid 1992, 124. См.: Eloy de Benito Ruano, 'La participation en la guerra de Granada' (I congreso de Historia de Andalucia, II, Cordoba 1978).

161.

См., к примеру, Celso Garcia de la Riega, *¿Colon espanol?* Madrid 1914; Анри Вигно был изобретателем «еврейской легенды», подхваченной Мадариагой.

162.

Cristobal Colon, *Textos y documentos completos*, ed. Juan Gil and Consuelo Varela, Madrid 1992, 423.

163.

Лучшая биография на испанском – Consuelo Varela [4:14]; на английском – Felipe Fernandez-Armesto (*Columbus*, Oxford 1992), на французском – специалиста по генуэзской истории Ж. Херса (J. Heers, *Christophe Colomb*, Paris 1981). Эссе Хуана Жилия (Juan Gil's, 'Historiografia Espanola sobre el descubrimiento y descubrimientos' in *Revista de Indics* (hereafter R de I), 49, 187, Sept. – Dec. 1989) – лучшее введение к написанному о Колумбе.

164.

Colon [4:16], 356, «siendo yo nacido en Genova».

165.

Colon [4:16], 356.

166.

Las Casas [2:50]. Лас Касас видел Колумба и, вероятно, говорил с ним в 1493 году, по его возвращении из первого путешествия. Видел ли он его снова, например в 1497–1498 или в 1500–1502 годах, – неясно.

167.

‘De muy pequena edad’, Colon [4:16], 444.

168.

Colon [4:16], 89–91; also Las Casas [2:50], I, 31.

169.

Las Casas [2:50], 1,31.

170.

Bernaldez [3:2], I, 357: «hombre de alto ingenio sin saber muchas letras».

171.

Колумб описал свое путешествие в Ирландии в письме к королю и королеве в 1495 году; см. Colon [4:16], 285.

172.

См. Peter Russell’s admirable Prince Henry the Navigator [4:9]. Возможно, это действительно был мыс Джуби.

173.

Упомянуто в: Willem Bosman, A New and Accurate Description of the Coast of Guinea, Eng. tr. London 1705.

174.

Страбон (64 до н. э. – 21 н. э.) – античный географ греческого происхождения, хотя в его жилах текла азиатская кровь. Он был стоиком, а они считали, что земля состоит в основном из суши. Его работа является кладезем тогдашних географических знаний, большая часть которых весьма интересна и многие соответствуют действительности.

175.

Samuel Eliot Morison, The European Discovery of America: the Northern Voyages, Oxford 1971, 61–62.

176.

Las Casas says so [2:50], I, 144.

177.

«Lateen» (латинский) парус был треугольным и ставился косо, под углом около 45 градусов к мачте.

178.

Morison [4:29], 8.

179.

См.: El libro de Marco Polo, ed. Juan Gil, Madrid 1992.

180.

«No hay que creer que el oceano cubra la mitad de la tierra»: см. Pierre d'Ailly, Ymago Mundi, ed. Antonio Ramirez de Verger, Madrid 1992, 150. О д'Айи см.: J. Huizinga, The Autumn of the Middle Ages, Chicago 1996, 124.

181.

См.: Stephen Greenblatt, Marvellous Possessions, Chicago 1991, 26ff.

182.

Russell [4:9], 99.

183.

Henry Harrisse, The Discovery of North America, London 1892, 378, 381. Письмо переведено на испанский Лас Касасом: Las Casas [2:50], I, 63.

184.

Martin Fernandez de Navarrete, Coleccion de viajes y descubrimientos que hicieron por mar los espanoles, 4 vols., Madrid 1954, I, 299, 300. См.: Heers [4:17] for the date, 88. Другие считают, что письмо было отправлено только в 1492 году. На самом деле от Китая до Канарских островов 12 000 миль.

185.

Navarrete [4:38], I, 300: Тосканелли особенно интересовался кометами, а также провел открытый диспут во Флоренции с тогдашними молодыми интеллектуалами, среди которых был Леонардо да Винчи и, возможно, Америго Веспуччи.

186.

Fernando Colon, Historia del Almirante, ed. Luis Arranz, Madrid 2000, 66.

187.

Fernando Colon [4:40], 62.

188.

Обсуждение этой ошибки можно найти в: Samuel Eliot Morison, The European Discovery of America: the Southern Voyages 1491–1616, New York 1974, 30–31.

189.

См.: Edmundo O'Gorman, La Idea del descubrimiento de America, Mexico City 1951, и, в частности, Juan Manzano y Manzano, Colon y su secreto: el predescubrimiento, Madrid 1976, 1989. Oviedo [2:43] rejected the idea, I, 16.

190.

См.: Manzano [4:43], xxi.

191.

О епископе Ортисе де Вильегасе см.: Las Casas [2:50], I, 151. Fernando Colon [4:40], 64–7, called Ortiz 'Calzadilla'.

192.

Joao de Barros qu. Heers [4:17], 101.

193.

Alfred W. Crosby, *Ecological Imperialism*, Cambridge 1986, 79, предполагал, что рабы были привезены с Канарских островов и Майорки в начале 1342 года.

194.

Позднее испанские Канары находились под управлением Диего Гарсии де Эрреры и его супруги из Пераса, чей дед добавил Ла Гомеру к коллекции испанских колоний. Их сменили сын, Фернандо Эррера, и его супруга, Беатрис де Бобадиля.

195.

Felipe Fernandez-Armesto, *The Canary Islands after the Conquest*, Oxford 1982; Vicenta Cortes Alonso, 'La conquista de Canarias a traves de las ventas de esclavos', *Anuario de estudios Americanos* (hereafter AM), I, 1955, 498.

196.

Fernandez-Armesto summarises the evidence [4:49], 10.

197.

См.: Fernandez-Armesto [4:2].

198.

Мансано сообщает, что Марчена был благосклонен к Колумбу, потому что тот сообщил ему о тайне «неизвестного мореплавателя». См. [4:43], xxii. For Velasco, см.: Las Casas [2:50], I, 68.

199.

Как написал мне один друг: «ya que una neblina caprichosa todo la tapa y muchas veces se confunden con unas nubes bajas que parecen formar montanas, colinas y valles».